

С Л О В О

ВЪ ПАМЯТЬ ОТКРЫТІЯ БРАТСТВА

СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ.^(а)

Да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ (Евр. 10, 24.)

Настоящее собраніе наше, слушатели, представляетъ отрадное христіанской душѣ явленіе, какъ собраніе братской семьи, составившейся для одного изъ самыхъ благихъ дѣлъ человѣколюбія: можемъ быть увѣренными, что Тотъ, Кто осудилъ нѣкогда преграждавшихъ дѣтямъ доступъ къ Нему, теперь съ отеческимъ благоволеніемъ взираетъ на общій братскій трудъ, имѣющій цѣлю открыть, облегчить и уравнять для дѣтей путь къ Господу,—путь христіанскаго просвѣщенія и приготовленія къ служенію св. церкви. Возрастающая благоуспѣшность предпріятія, продолжающееся покровительство Царственныхъ лицъ и сочувствіе, встрѣчаемое во всѣхъ сословіяхъ общества, служатъ для насъ видимымъ знаменіемъ благословенія Божія.

(а) Говорено 12 октября въ братской церкви святителя Николая (явленнаго), въ концѣ литургіи, совершенной Высокопреосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, митрополитомъ московскимъ. Братство открыто за три года предъ симъ для вспоможенія бѣднымъ ученикамъ духовнаго званія.

Да и можетъ ли быть иначе? Если и единичное, малѣйшее дѣло милосердія имѣетъ цѣну въ очахъ Всеблагаго Отца небеснаго: то сколь же угодно Ему совокупное и постоянное дѣйствіе многихъ, направленное къ одной благодѣтельной цѣли, объемлющее многія лица и многія нужды? Такой способъ благотворенія, исходящій изъ духа любви христіанской, освященъ апостолами. Такъ церковь антиохійская въ виду угрожающаго голода учреждаетъ сборъ, въ которомъ каждый участвуетъ, чѣмъ можетъ, и собранное посылается въ Іерусалимъ къ пресвитерамъ *рукою Варнавею и Савлею* (Дѣян. 11, 29. 30) Апостоль Павелъ для галатійской, коринѣской, и для другихъ, вѣроятно, церквей, устанавливаетъ, чтобы каждый изъ вѣрующихъ по воскреснымъ днямъ отлагалъ, сколько позволяетъ ему состояніе, дабы благовременно можно было отослать нуждающимся собранное пособие (1 Кор. 16, 2. 3). Такъ въ первенствующей церкви, которая вся представляетъ какъ бы одну семью, одно братство, видимъ *благотвореніе*, соединяющееся съ *общеніемъ* (Евр. 13, 16), — видимъ первообразъ братскихъ союзовъ, составляемыхъ съ благотворительною цѣлію.

Благотворительность настоящаго времени сознаетъ, какъ скудны плоды милосердія, дѣйствующаго по-одиночкѣ, безъ определенной цѣли, наугадъ, и раздробляющагося на мелкія подаванія; и потому охотно избираетъ другой способъ служенія бѣднымъ, въ которомъ средства и усердіе многихъ лицъ совокупляются для удовлетворенія извѣстнаго рода нуждъ, и оказывается помощь, по возможности правильно распределяемая, болѣе или менѣе дѣйствительная, достигающая цѣли. Говоримъ это не въ упрекъ подаванію бѣднымъ безъ разбора, — широка заповѣдь милосердія и богоугодно исполненіе ея во всякомъ видѣ; блаженъ тотъ, кто можетъ благотворить всегда, вездѣ и всякимъ образомъ.

Но когда ограниченность собственных средств позволяет удѣлять другимъ немного, помогать только нѣкоторымъ: тогда неразумно ли и не справедливо ли желать, чтобъ это немного шло на пользу истинно нуждающимся, и въ соединеніи съ другими подобными жертвами могло служить дѣйствительнымъ вспомошествованіемъ? Да и вообще желающимъ благотворить не можемъ не указать на превосходство общественной, правильно устроенной благотворительности передъ частною. Для кого дѣла милосердія составляютъ не буквальное только и мертвое исполненіе долга, но — суть истинно *милыя сердцу* дѣла; кто имѣетъ въ виду не только получить вѣчное для собственной души спасеніе сими легкими средствами, но и облегчить по возможности нужды и страданія ближнихъ: тому недостаточно отверзать щедрую руку просящимъ, закрывая въ то же время глаза, чтобы не видѣть близко ихъ бѣдственнаго состоянія; тотъ чувствуетъ потребность войти въ ихъ нужды полнымъ вниманіемъ и участіемъ, и озаботиться по возможности достаточнымъ удовлетвореніемъ ихъ. Впрочемъ да не подумаетъ кто, что имѣющій въ настоящемъ утѣшеніе видѣть плоды благотворенія, лишаетъ себя чрезъ то награды вѣчной. Если позволительно желать и надѣяться спасительныхъ молитвъ отъ вспомошествоваемыхъ: то откуда и ждать самой вѣрной и самой теплой молитвы, какъ не отъ тѣхъ лицъ, которыя получаютъ вѣрное, постоянное, по возможности удовлетворительное вспоможеніе? Съ этой стороны, братія, избранный нами родъ служенія бѣднымъ именно таковъ, что въ немъ цѣль благотворительности совершенно совпадаетъ съ желаемою наградою: вспомошествуя бѣднѣйшимъ служителямъ Церкви въ воспитаніи и приготовленіи дѣтей ихъ на служеніе Церкви, благотворящіе и въ этихъ будущихъ служителяхъ алтаря приобрѣтаютъ себѣ постоянныхъ молитвенниковъ и въ настоящемъ

имѣютъ столь же усердныхъ молитвенниковъ въ родителяхъ ихъ. Могутъ еще указать на то, что личныя дѣла милосердія, оставаясь тайною, совершеннѣе исполняютъ заповѣдь Христову, тогда какъ участіе въ общественномъ благотвореніи по необходимости дѣлается извѣстнымъ, чего избѣгаютъ многіе Христолюбцы. Таковымъ замѣтимъ, что если братство по необходимости гласно ведетъ счетъ своимъ членамъ, то при этомъ самое количество приношенія можетъ, по желанію приносящаго, оставаться скрытымъ; а то, которое предполагается, какъ необходимое, такъ ничтожно, что не можетъ быть предметомъ тщеславія. Не желающіе вовсе быть извѣстными могутъ вносить свои жертвы, не называя даже и своего имени. Замѣтимъ и то, что Господь запрещаетъ намѣренную извѣстность благотворенія, когда оно трубитъ передъ собою, но не только не оуждаетъ, когда дѣла милосердія неизбѣжно, по самому свойству своему, бываютъ открытыми безъ всякаго желанія благотворящаго, но даже составляетъ каждому въ обязанность распространять славу Божию, служа для другихъ примѣромъ добраго дѣланія: *яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ.*

Сія-то обязанность взаимнаго назиданія и возбужденія къ добру служитъ основаніемъ всякаго братскаго благотворительнаго союза: здѣсь нѣтъ мѣста тщеславію, ибо нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго, и невольная скудость приношенія восполняется избыткомъ усердія; но здѣсь и нѣтъ нужды скрываться, напротивъ всѣ должны быть вѣдомы другъ другу, соревнующъ въ усердіи къ общему дѣлу: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ.* Братство — это не мертвое хранилище, куда складываются вещественныя пособія, — это живой цѣльный организмъ, который чрезъ взаимодействіе членовъ растетъ и крѣпнетъ, рас-

пространяя далѣ и далѣ свое благодѣтельное вліяніе. Оно видитъ множествомъ глазъ, отъ которыхъ трудно укрывать-ся нуждѣ истинной, хотя и невѣдомой многимъ, и нуждѣ мнимой, злоупотребляющей человѣколюбіемъ; оно дѣйствуетъ множествомъ рукъ, и потому дѣйствуетъ неустанно и по возможности благовременно. Изъ всѣхъ видовъ общественнаго служенія бѣднымъ — братство можно признать совершеннѣйшимъ, ближайшимъ къ духу христіанской любви: тогда какъ въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ одни жертвуютъ, не входя ни въ какое общеніе съ нуждающимися, не зная, кому и на что именно идутъ пожертвованія, а другіе, распоряжающіеся собранными средствами, имѣютъ въ этомъ распоряженіи опредѣленный родъ службы, болѣе или менѣе вознаграждаемой; братство не представляетъ ничего подобнаго, ничего удовлетворяющаго личнымъ интересамъ, и безкорыстно совершаетъ дѣло любви, давая полный просторъ лишь сердечному участию въ нуждающихся и бѣдствующихъ.

Исторія свидѣтельствуетъ, что братства являлись спасительными средствами въ самыя трудныя годы, служили важнѣйшимъ нуждамъна рода. Говорить ли при этомъ о важности назначеніянашего братства? Она понятна всякому благомыслящему и благожелательному челоѣку. Если въ настоящее время всѣ понимаютъ большую, нежели когда-нибудь, потребность въ просвѣщенныхъ пастыряхъ церкви: то далеко не всѣ правильно видятъ и понимаютъ настоящее положеніе ихъ и тѣ условія, среди которыхъ воспитываются будущіе пастыри. Въ то время, какъ одни, и это — масса общества, вслѣдствіе многихъ и разныхъ причинъ, остаются равнодушными къ судьбѣ духовенства, другіе стараются возбудить противъ него общественное мнѣніе, крича объ его недостаткахъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ, возбуждая недовѣріе къ его служенію, презрѣніе къ его образованію; въ то

время, какъ вещественныя средства церкви и государства не могутъ быть столь обширны, чтобъ открыть двери духовнаго просвѣщенія для всѣхъ тѣхъ, которые достойно могли бы имъ воспользоваться, а собственныя средства служителей церкви для этой цѣли вовсе ничтожны; въ это, по истинѣ, тяжелое для насъ время нельзя не признать въ высшей степени благодѣтельнымъ то учрежденіе, которое съ предложеніемъ существенной помощи идетъ на встрѣчу нашему бѣдному учащемуся и желающему учиться юношеству.

Братіе-споспѣшники благаго дѣла! Предвидя въ ближайшемъ будущемъ потребность новыхъ жертвъ и еще большихъ заботъ для достиженія поставленной намъ цѣли, не будемъ охладѣвать въ сочувствіи и усердіи къ труду, принятому во имя человеколюбія и во благо Церкви.

Прот. Н. Богословскій-Платоновъ.

ОТНОШЕНІЕ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ЦЕРКВАМЪ, СО ВРЕМЕНИ РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ ДО ПАДЕНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

I.

Общая характеристика отношеній римской церкви къ восточнымъ церквамъ.

Главною причиною раздѣленія церквей были притязанія папъ распространить свое господство на восточную церковь, которымъ восточная церковь не захотѣла подчиниться. Папы не думали оставлять своихъ притязаній и послѣ того, какъ послѣдовалъ формальный разрывъ между церквами. Благопріятныя историческія условія, въ какихъ находилась западная церковь въ средніе вѣка, и стѣсненное политическое положеніе православнаго востока усиливали въ папахъ надежду подчинить своей власти восточную церковь. Подъ вліяніемъ этой надежды съ одиннадцатаго вѣка и до позднѣйшихъ временъ папы не пропускали ни одного столѣтія безъ попытокъ распространить свое вліяніе въ восточныхъ церквахъ. Этими попытками по преимуществу и характеризуются отношенія римской церкви къ восточнымъ церквамъ, со времени раздѣленія церквей до настоящаго времени.

Способы, какими пользовалась римская церковь къ распространенію своего вліянія на востокъ, бывали весьма разнообразны. Иногда папы, подъ видомъ отеческой заботливости о восточныхъ христіанахъ, по ихъ мнѣнію, погибающихъ въ общеніи съ римскою церковію, обращались къ представителямъ восточныхъ церквей съ ласками и обѣщаніями, съ

предложеніями мира и любви, приглашали ихъ къ братскому совѣщанію объ устраниніи разногласій существующихъ между церквами, созывали соборы для возстановленія мира церковнаго, всегда впрочемъ имѣя въ виду при этомъ собственно не изслѣдованіе истины, не безпристрастное уясненіе и устраниеніе разномыслій, не братское примиреніе двухъ церквей между собою, какъ равной съ равною, а непременно подчиненіе восточной церкви своему вліянію. Эти мѣры мало имѣли успѣха; неискреннія попытки къ соединенію только болѣе усиливали раздѣленіе между церквами, и сама римская церковь обращалась къ публичнымъ совѣщаніямъ о примиреніи церквей больше за тѣмъ, чтобы только торжественно заявить свои притязанія на восточную церковь. Главнымъ же образомъ римская церковь разчитывала всегда на силу своего политическаго вліянія. Она старалась привлекать на свою сторону государей восточныхъ различными союзами, политическими выгодами и обѣщаніями, не совѣмъ вѣрно разчитывая на то, что на востокѣ церкви находятся въ большей зависимости отъ свѣтскаго правительства, и такимъ образомъ надѣясь подчинить себѣ ихъ чрезъ посредство свѣтскаго правительства.

Когда православные государи оказывались неподатливыми на прельщенія латинства, папы возбуждали противъ нихъ западныхъ государей, заводили политическія интриги, созывали противъ православныхъ странъ крестовые походы, мечтали силою оружія и хитростями политики подчинить себѣ православный востокъ. Когда не оказывалось возможности сразу подчинить своему вліянію цѣлую церковь или цѣлую страну, папы старались дѣйствовать постепенно, отторгать на свою сторону членовъ православной церкви по частямъ. Для этого они старались имѣть въ православныхъ странахъ своихъ миссіонеровъ—пропагандистовъ, которые бы тайными и явными—религіозными и политическими, нравственными и безнравственными средствами вездѣ пріобрѣтали новыхъ прозелитовъ римской церкви, съ тѣмъ чтобы чрезъ нихъ постепенно можно было распространять вліяніе латинства на цѣлую страну. — Условія, на какихъ папы привлекали къ союзу съ римскою церковію другія церкви, бывали также весьма различны. Одно

главное требованіе, на которомъ всегда твердо стояла римская церковь, состояло въ томъ, чтобы всякая другая церковь, вступающая въ союзъ съ нею, непременно признала верховный авторитетъ папы. Затѣмъ если встрѣчались другія разномыслія церковныя, разности въ догматахъ, обрядахъ и дисциплинѣ церковной, римская церковь дѣйствовала смотря по обстоятельствамъ. Иногда, когда это представлялось возможнымъ, папы настоятельно требовали отъ другихъ церквей полного принятія латинства, т.-е. принятія всѣхъ догматовъ, обрядовъ, церковныхъ правилъ и (латинскаго) богослужебнаго языка римской церкви. Въ большей части случаевъ, когда не представлялось возможности сразу олатинить извѣстную церковь или страну, они довольствовались только такъ называемою унією, т.-е. требовали, чтобы въ извѣстной церкви или странѣ признанъ былъ верховный авторитетъ папскій, и затѣмъ всѣ остальные догматы, обряды и правила церковныя могли оставаться до времени неприкосновенными, или нѣкоторые изъ нихъ были оставляемы неприкосновенными, а другіе уничтожались, или приводимы были къ согласію съ римскою церковію. Такая унія впрочемъ всегда допускалась папствомъ болѣе или менѣе неискренно, по необходимости, до времени, чтобы только привлечь какой нибудь народъ къ союзу съ римскою церковію, и не запугать его сразу слишкомъ строгими требованіями. Такая унія повремени должна была служить переходомъ къ чистому и полному латинству. Постепенно въ церквахъ, принимающихъ унію, были уничтожаемы обрядъ за обрядомъ, догматъ за догматомъ, богослуженіе приводилось въ большее и большее согласіе съ латинскимъ, и наконецъ вполнѣ замѣняемо было латинскимъ, такъ что народъ нерѣдко совершенно забывалъ объ особенностяхъ своего прежняго церковнаго быта, и о томъ, на какихъ условіяхъ онъ первоначально согласенъ былъ вступить въ общеніе съ римскою церковію. Чтобы достигнуть этого, папы нерѣдко намѣренно старались о томъ, чтобы народъ и низшее духовенство въ церквахъ, принимающихъ унію, были невѣжественны, а на высшихъ церковныхъ мѣстахъ епископскихъ старались имѣть людей искусныхъ и вполнѣ преданныхъ имъ. Эти

епископы втайнѣ придерживаясь чистаго латинства, но не показывая этого явно, старались вездѣ поставять такихъ священниковъ, которые бы или были вполнѣ единомысленны съ ними, или по своему невѣжеству могли служить слѣпымъ орудіемъ ихъ замысловъ; съ такими священниками, при невѣжествѣ народа въ дѣлахъ вѣры, имъ удобно было мало-по-малу вводить въ народъ новыя молитвы и обряды, учреждать новыя праздники въ честь латинскихъ святыхъ, перепечатывать богослужебныя книги съ измѣненіями въ пользу латинства и т. д. И такимъ образомъ случалось, что иной народъ, нѣкогда принадлежавшій къ православной восточной церкви, дѣлался латинствующимъ, самъ того не замѣчая, и продолжая искренно считать свою вѣру древнюю, православною восточною вѣрою. Искоренивъ въ извѣстной странѣ прежніе обряды, и утвердивъ въ ней латинство, папскіе агенты старались истреблять въ ней и всѣ историческіе памятники, напоминающіе о томъ, что страна эта нѣкогда не принадлежала латинству.

При такой широкой свободѣ и разнообразныхъ средствахъ пропаганды, владѣя въ средніе вѣка большимъ политическимъ могуществомъ, и пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ, политическими невзгодами православныхъ восточныхъ странъ, греческихъ и славянскихъ, римская церковь въ различныя времена успѣла оторвать отъ православной восточной церкви въ унію или въ латинство цѣлыя племена и страны, цѣлыя милліоны бывшихъ сыновъ православія. Въ другихъ православныхъ племенахъ и странахъ она производила великія смуты, сопровождавшіяся тяжелыми бѣдствіями для цѣлыхъ народовъ. Но при всемъ томъ римской церкви никогда не удавалось совершенно поколебать и подчинить себѣ православную восточную церковь. Въ самыя тяжелыя времена своей исторической жизни, восточная церковь, охраняемая и руководимая промысломъ Божиимъ, удерживая свою самостоятельность, оставалась вѣрною хранительницею древнихъ преданій, и живою обличительницею неправдъ римской церкви. И до настоящаго времени папство не оставляетъ своихъ прежнихъ притязаній на восточную церковь. Но въ послѣднія времена, при ослабленіи самого папства, и болѣе твердою,

Григорія VII) сдѣлались самыми вѣрными союзниками и даже ленниками Римской церкви. Въ это время папамъ стало удобно отторгнуть южно-Италійскія церкви отъ союза съ православно-восточными церквами. Въ 1098-мъ году папа Урбанъ II-й самъ путешествовалъ въ южную Италію, и здѣсь держалъ соборъ въ городѣ Бари, съ цѣлю убѣдить южно-италійскихъ Грековъ въ правильности римскаго ученія объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына. Главнымъ образомъ ораторствовалъ здѣсь въ пользу латинскаго догмата знаменитый въ то время западный Богословъ Ансельмъ, архіепископъ Кантербурійскій, составившій послѣ собора и особенное сочиненіе объ этомъ предметѣ. Въ заключеніе собора положено было проклятіе на всѣхъ не приѣмлющихъ римскаго ученія о Духѣ Святомъ. Греки южной Италіи еще долго и послѣ того не хотѣли оставить своихъ древнихъ догматовъ и обрядовъ, и ввести въ свои храмы богослуженіе на латинскомъ языкѣ. Особенно твердо держалось греческое богослуженіе въ южно-италійскихъ монастыряхъ. Но отторгнутые отъ живой связи съ восточными церквами и стѣсненные со всѣхъ сторонъ вліяніемъ латинства, южно-италійскія церкви должны были наконецъ принять латинское исповѣданіе и богослуженіе. вмѣстѣ съ тѣмъ стала упадать здѣсь и греческая народность. Греческіе поселенцы южной Италіи, принявши латинство, постепенно слились съ другими итальянцами, и въ настоящее время въ этихъ нѣкогда православныхъ греческихъ странахъ не осталось никакихъ слѣдовъ православія и греческой народности.

Въ концѣ II вѣка начались, въ и 12 и въ 13 вѣкахъ продолжались такъ называемые крестовые походы съ запада на востокъ. Эти крестовые походы и вообще много послужили возвышенію папъ на западѣ, и между прочимъ содѣйствовали распространенію вліянія ихъ на восточныя церкви. Крестовые походы предпринимались, какъ извѣстно, для освобожденія святой земли отъ невѣрной власти магометанъ—Турокъ. Этой цѣли они не достигли; Іерусалимъ и другія святія мѣста, лишь на недолгое время завоеванныя крестонос-

сравнительно съ прежними временами, политическомъ положеніи православнаго востока, папству в се менѣ и менѣ остается надеждѣ достигнуть своей цѣли подчиненія православнаго востока. Таковъ общій характеръ отношеній римской церкви къ православнымъ восточнымъ церквамъ, со времени ея отдѣленія отъ нихъ до позднѣйшихъ вѣковъ.

II.

Отношенія Римской церкви къ Греческимъ церквамъ въ 11-мъ и 12-мъ вѣкахъ. Искорененіе православія въ южно-италійскихъ церквахъ; насилія крестоносцевъ на востокъ въ Антиохійскомъ и Іерусалимскомъ патріаршествахъ; сношенія папъ съ греческими императорами династїи Комниновъ.

Притязательныя стремленія папства, послѣ раздѣленія церквей, прежде всего обращены были на тѣ изъ православныхъ греческихъ церквей, которыя были ближе къ папскому господству. Въ южной Италіи (въ Апуліи, Калабріи и Сициліи) жили Греки, признававшіе надъ собою власть византійскихъ императоровъ долгое время и послѣ того, какъ Римъ и вся верхняя Италія отложились отъ нея. Въ церковномъ отношеніи греко-италійскія церкви до VIII-го вѣка находились въ зависимости отъ папы. Но когда папы во время смутъ иконоборческихъ ари Левъ исаврійскомъ отложились отъ Византійской имперіи, императоры греческіе перечислили южно-италійскія церкви въ округъ Константинопольскихъ патріарховъ. Въ то время какъ римская церковь начала уже значительно отступать отъ древнихъ преданій, въ церквахъ южной Италіи строго держались греческихъ обрядовъ, и совершалось богослуженіе на греческомъ языкѣ. Папамъ конечно было это непріятно, и они старались распространить свое вліяніе въ южно-италійскихъ церквахъ. Въ 10-мъ и 11-мъ вѣкахъ власть византійскихъ императоровъ въ южной Италіи стала слабѣть; вмѣстѣ съ тѣмъ стало болѣе и болѣе усиливаться здѣсь вліяніе латинства. Въ половинѣ XI-го вѣка въ южной Италіи и Сициліи утвердились Норманны. Норманнскіе князья на первыхъ порахъ находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ папами, но потомъ (со временъ папъ Николая II-го и

цами, опять остались и до сихъ поръ остаются въ рукахъ Турокъ. Но восточнымъ христіанамъ крестоносцы принесли болѣе зла, чѣмъ Туркамъ. Восточные христіане вначалѣ радовались возникшему на западѣ движенію къ освобожденію святой земли, но скоро они должны были убѣдиться, что власть латинянъ для нихъ еще болѣе тяжела, чѣмъ самое иго Турковъ. Проходя въ Палестину черезъ Грецію, полчища крестоносцевъ, вопреки всякому международному праву и братскому христіанскому чувству, оскорбляли и грабили православныхъ Грековъ. Это послужило первымъ поводомъ къ непріязни между крестоносцами и Греками. Императоры византійскіе вступали въ мирные переговоры съ вождями крестоносцевъ; но вожди отказывались отвѣчать за насильственные дѣйствія безпорядочнаго войска. А духовенство латинское оправдывало грабежи крестоносцевъ тѣмъ, что крестоносцы, какъ воины Бога, имѣютъ право во всякой землѣ брать, что имъ нужно, потому что вся земля достояніе Божіе. Когда крестоносцы перебрались въ Азію, и стали утверждать свою власть въ городахъ Сиріи и Палестины, они всюду вмѣстѣ съ тѣмъ старались утверждать и господство папы. Въ Антіохіи и Іерусалимѣ, не обращая вниманія на то, что эти города издревле имѣли своихъ равныхъ по правамъ римскому папѣ православныхъ патріарховъ, крестоносцы вновь поставили своихъ латинскихъ патріарховъ. А православные патріархи, которые даже во время магометанскаго владычества жили на своихъ каѳедрахъ, при владычествѣ крестоносцевъ должны были удалиться отъ нихъ и искать убѣжища и защиты у византійскихъ императоровъ. Когда одинъ изъ византійскихъ государей Іоаннъ Комнинъ ходатайствовалъ предъ крестоносцами о томъ, чтобы въ Антіохіи позволено было жить православному патріарху хотя совмѣстно съ латинскимъ патріархомъ, и хотѣлъ даже за большія деньги выкупить Антіохію у крестоносцевъ, папа Иннокентій II-й горячо протестовалъ противъ этого, какъ противъ святотатствъ и оскорбленія правъ римской церкви. Подобнымъ образомъ и въ другихъ городахъ крестоносцы, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего владычества, поставляли латинскихъ

епископовъ и митрополитовъ; монастыри наполняли латинскими монахами, а православныхъ монаховъ выгоняли изъ нихъ; древними памятниками православной святыни,—св. мощами, особенно чтимыми иконами, разными драгоценностями церковными, распоряжались какъ своею собственностію, и многія изъ нихъ отправляли на западъ въ даръ папѣ и государямъ западнымъ. При этомъ даже незамѣтно было со стороны латинскаго духовенства, находившагося между крестоносцами, какихъ-либо стараній разумными убѣжденіями, проповѣдью располагать восточныхъ христіанъ къ принятію латинства. Они считали здѣсь утвержденіе латинства дѣломъ уже поконченнымъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ самой политической власти крестоносцевъ, и во имя этого требовали отъ восточныхъ христіанъ подчиненія себѣ, какъ бы они издавна были покорныя чада или подданные римской церкви. Тамъ, гдѣ встрѣчалось неповиновеніе или сопротивленіе, они обращались къ мѣрамъ насильственнымъ. Особенно много приходилось терпѣть отъ насильственной пропаганды латинства жителямъ острова Кипра, гдѣ крѣпче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, держалось владычество крестоносцевъ. Здѣсь латинское духовенство сожигало на кострахъ и распинало на крестахъ православныхъ христіанъ, не хотѣвшихъ отступить отъ своей вѣры. Разумѣется, подобными дѣйствіями латинское духовенство и вообще крестоносцы не только не внушали восточнымъ христіанамъ расположенія къ римской церкви и къ папѣ, напротивъ еще болѣе усиливали непріязнь между церквами.

Захвативъ подъ свою власть православные восточные патріархаты—Антіохійскій и Іерусалимскій, крестоносцы съ завистію обращали свои взоры на Константинополь—главную опору православія и восточной церкви. Тѣмъ не менѣе прямо заявить какія либо притязанія на Константинополь въ началѣ не представлялось ни благовиднаго повода, ни возможности. Византійская имперія въ 12-мъ вѣкѣ подъ управленіемъ умныхъ и мужественныхъ императоровъ династіи Комниновъ была довольно сильна. Императоры византійскіе старались по возможности воздерживаться отъ враждебныхъ столкновений

съ крестоносцами. Поэтому, не смотря на фанатическія возванія нѣкоторыхъ латинскихъ епископовъ, которые еще въ половинѣ XII-го вѣка (во время 2-го крестоваго похода при Людовикѣ VII-мъ) возбуждали крестоносцевъ овладѣть Константинополемъ—гнѣздомъ еретиковъ, долго не рѣшались обратитъ свое оружіе противъ Константинополя.

Папы въ началѣ надѣялись, что константинопольскіе Греки, въ виду успѣшнаго распространенія латинскаго господства на востокѣ, сами обратятся къ римской церкви... Были нѣкоторыя частныя обстоятельства, усиливавшія въ папахъ эту надежду. У папъ въ 12 вѣкѣ возникали нерѣдко столкновенія съ германскими императорами (Генрихомъ V-мъ, Фридрихомъ Барбаруссой). Въ виду этихъ столкновеній, у нѣкоторыхъ папъ, въ то время уже считавшихъ себя полноправными раздаятелями царскихъ вѣнцовъ и титуловъ, появлялась мысль совсѣмъ уничтожить на западѣ императорскій титулъ (имъ же обязанный своимъ происхожденіемъ при Карлѣ Великомъ), и утвердить этотъ титулъ за однимъ византійскимъ императоромъ въ тѣхъ видахъ, что византійскіе императоры будутъ надежнѣе, чѣмъ германскіе, вѣрными союзниками папства, и помогутъ ему подчинить своей власти греческую церковь. Подъ вліяніемъ этой мысли, между папами и византійскими императорами неоднократно начинались переговоры объ императорскомъ титулѣ и соединеніи церквей (у папъ Урбана II-го и Пасхалиса II-го съ императоромъ Алексѣемъ Комнинымъ, у папъ Адріана IV-го и Александра III-го съ Еммануиломъ Комнинымъ). Честолюбивые Комнины, можетъ быть на самомъ дѣлѣ прельщались честію имѣть за одною византійскою короною императорскій титулъ и на мѣсто упраздненной германской имперіи, распространять свое вліяніе на самую западную Европу, а можетъ быть только опасались чрезъ прямое несогласіе съ папами навлечь на имперію непріятность отъ крестоносцевъ,—во всякомъ случаѣ считали нужнымъ поддерживать добрыя отношенія съ папами, и даже ласкать ихъ надеждою на соединеніе церквей. Въ сущности Комнины, сами близко входившіе въ церковные интересы своего народа, вовсе не

имѣли намѣренія уступить папѣ самостоятельность греческой церкви, но по наружности они старались выказывать большое расположеніе къ нему, писали льстивые письма папамъ, посылали богатые вклады въ римскую церковь и въ извѣстные западные монастыри Ключни и Монте-Кассино, позволяли въ своихъ владѣніяхъ строить латинскіе храмы и монастыри, возбуждали между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разсужденія о мѣрахъ къ соединенію церквей. При дворѣ византійскихъ императоровъ устроились публичные совѣщанія объ этомъ предметѣ между папскими посланниками и учеными греческими богословами (изъ нихъ въ особенности извѣстны диспуты миланскаго архіепископа Хризолана съ Евстратіемъ митрополитомъ никейскимъ при Алексѣѣ Комнинѣ, и гаверберскаго епископа Ансельма съ Никитою никомидійскимъ при Іоаннѣ Комнинѣ). Папы присылали также посланія къ греческимъ епископамъ, въ которыхъ приглашали ихъ соединиться съ римскою церковію, сравнивая греческую церковь съ погибшею овцою и потерянною драхмою, а себя съ любвеобильнымъ евангельскимъ пастыремъ, заботящимся о спасеніи каждой погибающей овцы. Епископы и богословы греческіе, не желая, вопреки видамъ своего правительства, раздражать папъ прямымъ противорѣчіемъ, давали папамъ и ихъ посланнымъ вѣжливые отвѣты на всѣ приглашенія и увѣщанія, но тѣмъ не менѣе старались объяснить имъ, что такое великое дѣло, какъ соединеніе церквей, не можетъ совершиться иначе, какъ послѣ безпристрастаго изслѣдованія причинъ разрыва на вселенскомъ соборѣ, и только тогда, когда папы откажутся отъ своихъ деспотическихъ притязаній къ поработенію всѣхъ церквей, перестанутъ считать греческую церковь заблудшею овцою и потерянною драхмою, и когда римская церковь оставить свои отступленія отъ древнихъ православныхъ преданій (извѣстны въ такомъ духѣ отвѣты Никиты Никомидійскаго и Василия Θεσσαλονитскаго на приглашенія къ соединенію).

Въ большинствѣ народа и духовенства греческаго не было никакого расположенія къ соединенію съ римскою церковію; напротивъ въ виду насилій производимыхъ крестоносцами

на востокѣ, усиливалась все болѣе и болѣе непріязнь къ латинству. Крестоносцы нерѣдко сами жаловались папѣ, что Греки почти не считаютъ ихъ за христіанъ. Такое настроеніе противъ латинства поддерживали въ народѣ и многіе высшіе пастыри греческой церкви и ученые греческіе богословы. Въ полемическихъ сочиненіяхъ того времени, касавшихся латинства, высказывалось уже гораздо болѣе непріязненное отношеніе къ нему, нежели въ предшествовавшіе вѣка. Патріархи константинопольскіе Михаилъ Анхіаль, Никита Муитанъ, александрійскій патріархъ ученый Ѳеодоръ Вальсамонъ прямо называли латинянъ злѣйшими еретиками. Подъ вліяніемъ раздраженнаго національнаго и религіознаго чувства у Грековъ уже къ концу 12-го вѣка появился такой обычай, который служилъ крайнимъ выраженіемъ непріязни къ латинству, — обычай перекрещивать латинянъ при обращеніи въ православіе. Обычай этотъ не могъ быть оправданъ согласіемъ съ древними церковными правилами, но онъ естественно объясняется тѣми отношеніями, въ какія поставило себя къ восточнымъ церквамъ латинство своими притязаніями и насиліями. Въ послѣдующіе вѣка обычай этотъ то былъ отмѣняемъ въ греческихъ церквахъ, то опять возобновлялся, по мѣрѣ того, насколько ослабѣвало или опять усиливалось религіозное и національное раздраженіе Грековъ противъ латинцевъ, возбуждаемое несправедливыми и насильственными дѣйствіями послѣднихъ. Въ народѣ греческомъ были недовольны и тѣми двусмысленно тонкими отношеніями къ Риму, въ какихъ держало себя правительство византійское по политическимъ разсчетамъ. Это недовольство въ особенности усилилось въ послѣдніе годы правленія императора Еммануила Комнина, который, вступивъ въ бракъ съ дочерью антиохійскаго вождя крестоносцевъ Райнальда Марією, ласкалъ латинцевъ при своемъ дворѣ, давалъ имъ большія привиллегіи въ торговлѣ, право строить свои церкви и монастыри въ его владѣніяхъ, въ слѣдствіе чего очень много латинцевъ поселилось въ Константинополѣ. Когда императоръ Еммануиль умеръ, и правительницею государства, за малолѣтствомъ наслѣдника престола, сдѣлалась вдова его

латинянка Марія, народъ взбунтовался. На престолъ былъ возведенъ двоюродный братъ умершаго государя Андроникъ Комнинъ, состоявшій подъ опалою у прежняго государя, заклятый врагъ латинянъ. Возбужденные имъ, Греки разграбили и сожгли въ Константинополѣ весь латинскій кварталъ, избili множество латинянъ, и между прочимъ папскаго легата кардинала Іоанна, жившаго въ Константинополѣ для переговоровъ о соединеніи церквей, другихъ латинянъ схватили и продали въ рабство, самыя церкви и больницы ихъ разграбили и разрушили. Это было въ 1180-мъ году. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 1185-мъ году, крестоносцы отплатили Грекамъ еще большими неистовствами и жестокостями, овладѣвъ греческимъ городомъ Θεσσαλονικюю.

До такихъ крайностей развилась вражда между греческимъ и латинскимъ христіанствомъ въ 12-мъ вѣкѣ. Непріязнь эта сдѣлалась теперь уже не религіозною только, но и глубокою національною враждою; вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе, утвердившееся между церквами, сдѣлалось еще болѣе крѣпко и глубоко.

III.

Владычество Латинянъ въ Константинополѣ въ 13 вѣкѣ. Сношенія папъ съ Никейскими императорами.

Въ концѣ XII-го вѣка (11095 г.) въ Византійской имперіи произошелъ переворотъ. Императорская династія Комниновъ, въ слѣдствіе крайняго деспотизма и невыносимыхъ жестокостей послѣдняго изъ нихъ Андроника Комнина, была низвергнута. На престолъ взошла новая династія императровъ Ангеловъ. Византійская имперія въ самые первые годы управленія новой династіи начала показывать признаки разслабленія. Между разнородными племенами, входившими въ составъ ея, возникали частыя возмущенія. На окраинахъ имперіи (въ Болгаріи, Эпирѣ) образовались новыя самостоятельныя государства. Въ самомъ семействѣ новой царской династіи открылись междоусобія. Императоръ Исаакъ Ангелъ (1201 г.) былъ низвергнутъ съ престола, ослѣпленъ и посаженъ въ тюрьму братомъ своимъ, который вступилъ на

престолъ подѣ именемъ Алексѣя III-го. Теперь открылись западному властолюбію возможность и поводъ осуществить свои притязанія на Константинополь.

Сынъ низверженнаго императора Исаака, царевичъ Алексѣй скитался по Европѣ, и просилъ западныхъ государей помочь ему возвратить престолъ, отнятый дядею. Просьбы его вначалѣ не имѣли успѣха. Наконецъ крестоносцы, съ благословенія папы Иннокентія III-го, вновь собиравшіе свои дружины въ Венеціи для похода въ св. Землю, согласились помочь ему. Царевичъ Алексѣй обѣщалъ имъ за это уплатить огромную сумму денегъ (200,000 марокъ серебра), подкрѣпить ихъ для похода въ Палестину десятитысячнымъ войскомъ, доставлять имъ туда въ продолженіи года съѣстные припасы, и наконецъ даже способствовать подчиненію греческой церкви римскому папѣ. Крестоносцы, обольщенные такими обѣщаніями, отправились съ царевичемъ Алексѣемъ, и въ іюлѣ 1203-го года обложили осадою Константинополь. Императоръ Алексѣй III бѣжалъ изъ столицы. Константинопольскіе греки явились къ крестоносцамъ съ мирными предложеніями, вывели изъ тюрьмы слѣпаго Исаака Ангела, и вновь возвели его на престолъ вмѣстѣ съ сыномъ Алексѣемъ IV-мъ. Теперь Алексѣю IV-му пришло время расплачиваться съ крестоносцами. Во всей казнѣ Константинопольской не могло найдтись столько денегъ, сколько онъ имъ обѣщалъ. Назначены были усиленные налоги, и самъ Алексѣй IV отправился по провинціямъ собирать деньги для крестоносцевъ. Для пополненія казны, онъ рѣшился коснуться церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, сталъ обращать въ деньги церковныя драгоценности. Это возбудило въ народѣ большое волненіе. Крестоносцы настойчиво требовали денегъ, и считая себя благодѣтелями императора, небрежно и враждебно относились къ Грекамъ, оскорбляли ихъ, грабили и жгли селенія и монастыри въ окрестностяхъ Константинополя. Между Греками сдѣлалось извѣстнымъ и то, что царевичъ Алексѣй обѣщалъ предать греческую церковь Латинянамъ и уже началъ склонять патріарха Іоанна Каматира къ подчиненію папѣ. Греки, выведенные изъ терпѣнія, убили Алексѣя IV-го;

отецъ его Исаакъ умеръ съ горя и испуга; на престолъ возведенъ былъ одинъ изъ предводителей возмущенія Алексѣй V Мурцуфль, ожесточенный врагъ Латинянъ. Крестоносцы рѣшились жестоко отмстить Грекамъ за такое своеволие. Константинополь вновь былъ осажденъ, и не смотря на отчаянное сопротивленіе Грековъ, взятъ Латинянами 13-го апрѣля 1204-го года. Императоръ и патріархъ Константинопольскіе бѣжали изъ города. При взятіи Константинополя крестоносцы ознаменовали себя такими неистовствами и жестоко, стями, до какихъ рѣдко доходили самые варварскіе народы—самые заклятые враги христіанства—магометане, при завоеваніи христіанскихъ городовъ. Греки безъ всякаго состраданія были избиваемы, даже и тѣ, которые сами покорно отдавались во власть крестоносцевъ. Не было пощады ни званію, ни полу, ни возрасту; благородныя женщины, дѣвы, монахини подвергались безчестію, имущества константинопольскихъ гражданъ были разграблены. Изъ церквей константинопольскихъ однѣ были обращены въ складочное мѣсто для награбленныхъ имуществъ, а другія сдѣлались мѣстомъ для буйныхъ оргій крестоноснаго воинства. Въ самомъ Софійскомъ соборѣ крестоносцы пировали и кощунствовали съ развратными женщинами, плясали въ священныхъ одеждахъ, пили вино изъ священныхъ сосудовъ, ругались надъ святыми тайнами. Священники и монахи латинскіе расхищали изъ греческихъ церквей драгоцѣнныя иконы, св. мощи и другіе предметы благоговѣйнаго почитанія Грековъ, отнимали и перекрадывали ихъ другъ у друга, и пересылали на западъ въ даръ папѣ и государямъ западнымъ. Въ это время перевезены были въ Римъ мощи св. апостола Андрея (по преданію — основателя византійской церкви), древнихъ великихъ іерарховъ и учителей константинопольскихъ Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Милостиваго и другихъ святыхъ, часть креста Господня, ризы Божіей Матери и другіе священные предметы. Точно также были разграблены, или совсѣмъ разрушены крестоносцами памятники наукъ и искусствъ, которыхъ много было въ Константинополь, — древ-

нія рукописи, дорогія книги, художественныя изваянія, статуи и т. под.

Разграбивши столицу Греческой имперіи, крестоносцы избрали одного изъ своихъ вождей — Балдуина, графа фландрскаго, императоромъ константинопольскимъ, венеціанскаго каноника Отому Морозини патріархомъ, и послали папѣ донесенія о своихъ успѣхахъ, съ богатыми подарками, прося его принять подъ свое покровительство новую державу, и прислать на востокъ новыя дружины, а также побольше священниковъ, монаховъ, ученыхъ богослововъ, церковныхъ книгъ для утвержденія въ Греціи политическаго и духовнаго господства латинства. Иннокентій III хотѣлъ показать видъ, что онъ очень недоволенъ крестоносцами за то, что они забыли о главной священной цѣли своего предпріятія, и вмѣсто Іерусалима, находящагося въ рукахъ Турковъ, завоевали Константинополь, имѣвшій свое христіанское правительство. Онъ строго укорялъ ихъ за тѣ неистовства и насилія, какія они дозволили себѣ при завоеваніи Константинополя, главнымъ образомъ изъ опасенія, что эти неистовства и насилія могутъ повредить латинству въ глазахъ Грековъ. Впрочемъ папа здѣсь же успокоивалъ себя и крестоносцевъ тѣмъ, что можетъ быть самъ Промыслъ Божій избралъ ихъ орудіями своей воли для того, чтобы наказать непокорныхъ Грековъ за ихъ упорство и привести ихъ въ послушаніе апостольскому престолу. Потому, благословляя успѣхи крестоносцевъ и утверждая избранныхъ ими императора и патріарха, папа внушалъ крестоносцамъ, что они должны твердо держать пріобрѣтенныя ими по волѣ Божіей владѣнія, и епископамъ латинскимъ, находящимся въ Константинополѣ писалъ, чтобъ они немедленно заняли греческія церкви и вводили вездѣ латинскіе обряды.

Утвердивъ свою власть въ Константинополѣ, крестоносцы отправились завоевывать провинціи Греческой имперіи. Здѣсь также они производили вездѣ насилія и грабежи, также предавались святотатству и кощунству: въ Фессалоникахъ, напримѣръ, нагло ругались надъ мощами св. Димитрія Солунскаго. Покоренные Греки были обращены въ

рабство. Имперія, подъ верховною властію находившагося въ Константинополѣ императора, была раздѣлена на множество большихъ и мелкихъ ленныхъ владѣній, подъ управленіемъ различныхъ князей, графовъ, бароновъ и т. д.

Въ церковномъ отношеніи въ Греціи учреждено 32 латинскихъ митрополій и около 100 епископствъ. Православные епископы были прогоняемы съ своихъ мѣстъ, и въ случаѣ неповиновенія подвергались тяжкимъ преслѣдованіямъ.

Съ покореніемъ Византійской имперіи латинскому господству, сокрушенъ былъ главный центръ православія на востокѣ. Восточные патріархи—Антіохійскій, Іерусалимскій, Александрійскій давно уже находились подъ чуждымъ игомъ. Южныя славянскія государства—Болгарія и Сербія—только что начали укрѣпляться. Западные славяне—Далматскіе и Хорватскіе Сербы, Моравцы, Чехи, Поляки всѣ уже болѣе или менѣе находились подъ политическимъ вліяніемъ латинскаго міра и духовнымъ господствомъ папства. На сѣверъ славянскій—православную Россію надвигалась страшная гроза—нашествіе Монголовъ. Папство же находилось тогда именно на самой вершинѣ своего политическаго могущества и духовнаго вліянія. Папою былъ Иннокентій III, даровитѣйшій и вліятельнѣйшій человекъ своего времени, который по произволу распоряжался царскими коронами во всей Западной Европѣ, и имѣлъ подъ своимъ вліяніемъ многочисленнѣшее духовное и мірское воинство—монаховъ и рыцарей, готовыхъ всевозможными средствами утвердить власть папства вездѣ, гдѣ только имъ было бы указано. Время было самое благопріятное для утвержденія власти папской надъ восточными церквами. И папа Иннокентій III вполне надѣялся на это. Онъ торжественно провозглашалъ, что теперь-то Самарія (такъ называлъ онъ Греческую церковь) обратилась ко Господу (т. е. подчинилась папѣ), и имя Господне будетъ согласно призываться въ Данѣ и Веѣилѣ (въ Римѣ и Константинополѣ). Посылая легата за легатомъ для устроенія латинской церкви въ Греціи, папа Иннокентій разсылалъ миссіонеровъ и во всѣ православ-

ныя славянскія страны, писалъ письма къ государямъ Сербскимъ и Болгарскимъ, и князьямъ Русскимъ, и всѣхъ приглашалъ послѣдовать примѣру матери восточныхъ церквей-Константинопольской церкви, въ покорномъ подданствѣ которой онъ уже не сомнѣвался.

Надежды папскія однакожь не оправдались. Скоро папа сталъ получать извѣстія отъ своихъ епископовъ и самыхъ императоровъ Константинопольскихъ, что Греки вовсе не думаютъ подчиняться римской церкви, напротивъ высказываютъ самое крайнее озлобленіе противъ латинства, что они считаютъ законными пастырями только своихъ Греческихъ священниковъ и епископовъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые подвергаются преслѣдованіямъ отъ латинскаго духовенства, ублажаютъ, какъ мучениковъ,—что Греки считаютъ оскверненными самые храмы, въ которыхъ совершается латинская служба, вымываютъ и выскребаютъ престолы, на которыхъ совершается безкровная жертва латинскими священниками, перекрещиваютъ латинцевъ, обращающихся къ Греческой церкви,—и даже (по выраженію императора Балдуина) считаютъ латинянъ не за людей, а хуже собакъ, и не считаютъ за грѣхъ убивать ихъ, гдѣ только представится случай. Неоднократно были употреблены насильственные мѣры для приведенія Грековъ къ покорности; но эти мѣры возбуждали только большее озлобленіе въ Грекахъ. Въ 1213 году при Генрихѣ, второмъ латинскомъ императорѣ въ Константинополѣ, папскій легатъ Пелагій закрылъ всѣ православныя церкви, окончательно объявлялъ Греческое богослуженіе запрещеннымъ, священниковъ Греческихъ разсадилъ по тюрьмамъ, морилъ голодомъ, предавалъ пыткамъ. Греки возмутились и прямо заявили императору, чтобы онъ, господствуя надъ ихъ тѣлами, не позволялъ никому касаться ихъ души и совѣсти, не принуждалъ ихъ оставлять вѣру предковъ,—иначе всѣ они должны будутъ бѣжать изъ его владѣній. Папскій легатъ долженъ былъ удалиться изъ Константинополя, и впослѣдствіи ознаменовалъ себя новыми неистовствами на островѣ Кипрѣ.

Папа Иннокентій увидѣлъ необходимость, оставивъ преждевременныя надежды, обратить болѣе серьезное вниманіе на положеніе восточныхъ церквей, и принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ утвержденію своего вліянія въ нихъ. Въ 1215-мъ году созванъ былъ имъ 4-й Латеранскій соборъ (по счету латинянь 12-й Вселенскій), въ присутствіи четырехъ латинскихъ восточныхъ патріарховъ, многихъ епископовъ и свѣтскихъ пословъ латинскаго Константинопольскаго императора. На этомъ соборѣ, въ виду положенія дѣлъ на востокѣ, въ виду приверженности восточныхъ христіанъ къ своему народному богослуженію и древнимъ обрядамъ, и предубѣжденій ихъ противъ латинства, принято было измѣнить систему латинской пропаганды въ православныхъ странахъ, дѣйствовать вмѣсто принужденія и насилія мѣрами послабления и хитрости, допускать возможныя уступки восточнымъ христіанамъ (въ греческихъ и славянскихъ странахъ), оставлять имъ ихъ богослуженіе на народномъ языкѣ и ихъ древніе обряды неприкосновенными, и лишь постепенно вводить у нихъ полное подданство папѣ и латинскія нововведенія. Эта новая система, положившая начало такъ называемой *унійтской* пропагандѣ, по времени принесла много плодовъ римской церкви, преимущественно въ славянскихъ странахъ; но между Греками въ то время она имѣла мало успѣха: никакія уступки, ласки и обѣщанія не могли примирить Грековъ съ латинствомъ въ виду того насилія, какое представлялось имъ въ самомъ фактѣ владычества латинянь въ Константинополѣ.

Постоянная непріязнь, питаемая поработченными Греками къ ихъ поработителямъ, не могла обѣщать прочности и самому политическому господству Латинянь на востокѣ. Лишь въ первое десятилѣтіе своего существованія латинская Константинопольская имперія казалась довольно сильною. Далѣе, обезпокоиваемая частыми возмущеніями и постояннымъ непріязненнымъ настроеніемъ покоренныхъ Грековъ, ослабляемая большими переселеніями ихъ въ другія страны подъ покровительство православныхъ государей, часто тревожимая нападеніями сосѣднихъ государствъ, латинская

Константинопольская имперія стала быстро клониться къ упадку. Только присылка новыхъ военныхъ дружинъ и большихъ денежныхъ вспомоствованій съ запада могла на нѣсколько десятковъ лѣтъ поддержать существованіе ея. Въмѣстѣ съ ослабленіемъ латинской Константинопольской имперіи, падала и латинская церковь въ Греціи. Чрезъ какіе нибудь десятка два лѣтъ во всей Греціи, вмѣсто предполагаемыхъ слишкомъ латинскихъ епископовъ, могли оставаться только три прелата и самъ латинскій патріархъ константинопольскій съ своимъ дворомъ содержался на вспомоствованіи папы.

По мѣрѣ ослабленія латинской Константинопольской имперіи, въ сосѣдствѣ съ нею усиливались независимыя греческія владѣнія. Крестоносцы при завоеваніи византійской имперіи успѣли подчинить себѣ не всѣхъ Грековъ. Еще до утвержденія крестоносцевъ въ Константинополѣ, двумя братьями изъ фамиліи Ангеловъ — Михаиломъ и Теодоромъ было основано независимое отъ Византіи государство въ Епирѣ. По завоеваніи Константинополя Латинянами, образовались два независимыя греческія владѣнія въ Малой Азіи — въ Трапезунтѣ подъ управленіемъ двухъ братьевъ Комниновъ Алексѣя и Давида, и въ Никее подъ предводительствомъ Теодора Ласкариса — зятя императора Алексѣя III-го. Владѣтели всѣхъ трехъ государствъ, заявляя притязанія считаться какъ бы преемниками власти византійскихъ императоровъ, и усвоили себѣ императорскій титулъ. Но по времени всего болѣе возвысились изъ нихъ никейскіе государи (Теодоръ Ласкарисъ 1-й, его зять Іоаннъ Дука Ватацъ, Теодоръ Ласкарисъ 2-й). Въ Никее поселились и православные патріархи греческіе, удалившіеся изъ Константинополя. Они своимъ авторитетомъ усиливали власть никейскихъ государей, и короновали ихъ вѣнцомъ древнихъ императоровъ византійскихъ. Греки смотрѣли на Ласкарисовъ, какъ на законныхъ преемниковъ прежнихъ своихъ императоровъ — Комниновъ и Ангеловъ, и какъ на будущихъ освободителей всей греческой имперіи отъ власти Латинянъ. Государи никейскіе своими умными и удачными дѣйствіями

поддерживали въ Грекахъ эту надежду. Маленькое Никейское государство, въ началѣ заключавшееся только въ стѣнахъ одного города, разширилось болѣе и болѣе пріобрѣтеніемъ новыхъ городовъ и областей. Множество византійскихъ Грековъ, тяготившихся владычествомъ Латинцевъ, переселялось во владѣнія никейскихъ государей. Прочіе Греки, остававшіеся подъ латинскимъ господствомъ, готовы были встрѣтить ихъ въ Константинополѣ, какъ своихъ освободителей и законныхъ государей. Никейскіе государи вначалѣ вели себя очень осторожно, старались не раздражать крестоносцевъ, но потомъ, по мѣрѣ разширенія своихъ владѣній и ослабленія Латинской имперіи, сами стали обнаруживать свои планы на освобожденіе Константинополя.

Латиняне и папы не могли оставить въ покоѣ это независимое греческое государство. Въ началѣ они относились къ нему съ высокоуміемъ и пренебреженіемъ. Папа Иннокентій III писалъ къ Оедору Ласкарису I-му, чтобы онъ не усвоилъ себѣ незаконныхъ притязаній, и подчинился въ политическомъ отношеніи своему законному государю, латинскому Константинопольскому императору, и въ духовныхъ дѣлахъ латинскому Константинопольскому патріарху. Но потомъ, когда никейское государство значительно уже укрѣпилось, а Латинская имперія въ Константинополѣ ослабла, папы измѣнили свои отношенія къ никейскимъ государямъ и стали склонять ихъ къ союзу съ римскою церковью уже не тономъ власти и угрозы, а мягкими увѣщаніями и обѣщаніями, какъ прежнихъ греческихъ императоровъ Комниновъ. Никейскіе государи, неувѣренные въ твердости своего положенія, и знавшіе, что папы хлопочутъ на западѣ о возбужденіи новыхъ крестовыхъ походовъ на востокъ, старались до времени не раздражать папъ, и подобно прежнимъ византійскимъ императорамъ ласкали ихъ надеждами на соединеніе церквей. Неоднократно по этому случаю возникали сношенія между Римомъ и Никеею. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ сношеній были въ 1232-мъ году при папѣ Григоріѣ IX-мъ и императорѣ никейскомъ Іоаннѣ Дукѣ Ватакиѣ. Императоръ поручилъ вести эти сношенія никей-

скому патріарху Герману. Патріархъ Германъ писалъ письма къ папѣ и кардиналамъ. Въ самой Никее были открытыя совѣщанія между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ. Греки высказывали латинянамъ, что они согласны были бы соединиться съ римскою церковью, еслибы не страшились тѣхъ тяжелыхъ притязаній и насилій, какими латинская церковь вездѣ обременяетъ покаяющихся ей, — что для соединенія церквей необходимо устраненіе разногласій въ догматахъ вѣры и безпристрастное обсужденіе дѣла на Вселенскомъ соборѣ. Между тѣмъ во время самыхъ переговоровъ съ латинянами патріархъ Германъ разсылалъ посланія къ Грекамъ, находящимся подъ властью крестоносцевъ, на островъ Кипръ, въ которыхъ убѣждалъ ихъ твердо стоять противъ угнетавшей ихъ силы латинства и не принимать никакихъ латинскихъ нововведеній. Переговоры эти, подобно всѣмъ прежнимъ, не привели ни къ чему; можетъ быть помогли только никейскому императору отклонить отъ своего государства опасность, угрожавшую съ запада отъ крестоваго похода, называемаго папою Григоріемъ. Въ послѣдствіи папы Иннокентій IV и Александръ IV старались возобновить переговоры о соединеніи церквей, но еще съ меньшимъ успѣхомъ. Государи никейскіе по мѣрѣ усиленія своего не считали нужнымъ даже и по наружности поддерживать въ папахъ надежду на присоединеніе греческой церкви.

Въ шестидесятихъ годахъ 13-го столѣтія латинская имперія въ Константинополѣ дошла до послѣдней степени своего ослабленія. Послѣдній императоръ константинопольскій изъ латинянъ Балдуинъ II-й сколько ни ѣздилъ по западнымъ землямъ, сколько ни просилъ западныхъ государей поддержать войсками и деньгами падавшую имперію, не имѣлъ викакого успѣха. Никейскіе государи могли наконецъ осуществить свою мысль объ освобожденіи столицы св. Константина изъ подъ власти пришельцевъ. Этою честью пришлось воспользоваться императору Михаилу VIII-му Палеологу, который открылъ собою рядъ новой и послѣдней царственной византійской династии — Палеологовъ (Онъ остался послѣ Θεодора Ласкариса II-го опекуномъ его сына

Іоанна, и пользуясь расположеніемъ войска, сначала объявилъ себя соправителемъ несовершеннолѣтняго наслѣдника престола, потомъ и совсѣмъ устранилъ и ослѣпилъ его). 25-го іюля 1261 года Михаилъ Палеологъ послалъ небольшой отрядъ греческаго войска къ Константинополю. Константинопольскіе Греки сами отворили ему ворота города. Императоръ Балдуинъ, латинскій патріархъ и прочіе латинцы, остававшіеся въ городѣ, бѣжали изъ него. 15-го августа 1261 г., въ день Успенія Божіей Матери, которую Греки всегда почитали покровительницею своего царствующаго града, императоръ Михаилъ Палеологъ торжественно съ крестнымъ ходомъ вступилъ въ Константинополь и возстановилъ здѣсь тронъ православныхъ греческихъ императоровъ.

На западѣ долго еще не могли отказаться отъ мысли владѣть Константинополемъ. Императоръ Балдуинъ долго скитался и просилъ помощи при дворахъ западныхъ государей къ возвращенію утраченнаго владѣнія. Папы (Урбанъ IV и Климентъ IV) дѣлали воззванія къ приготовленію новыхъ крестовыхъ походовъ на востокъ. Но между западными владѣтелями, послѣ нѣсколькихъ неудавшихся опытовъ къ утвержденію латинскаго вліянія на востокъ, уже немного было охотниковъ вновь тратить на это свои войска и деньги; въ самомъ народѣ охладѣлъ энтузіазмъ къ крестовымъ походамъ. Потомки Балдуина II-го еще около столѣтія (до 1383 года) продолжали титуловаться императорами константинопольскими, но безъ тѣни власти на востокъ. А латинскихъ патріарховъ для Константинополя папы продолжаютъ избирать и до настоящаго времени, — также и для Антіохіи, Іерусалима и Александріи. Эти патріархи живутъ въ Римѣ, въ числѣ почетныхъ сановниковъ папскаго двора. Въ титулахъ сихъ папы какъ бы находятъ утѣшеніе номинально властвовать надъ восточными церквями, вмѣсто дѣйствительнаго преобладанія въ нихъ, котораго въ Римѣ тщетно добивались въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

(Окончаніе будетъ).

Священникъ А. Иванцовъ-Платоновъ.

МАЛЫЙ ВХОДЪ НА ЛИТУРГІИ ОГЛАШЕННЫХЪ. ^(а)

Въ заключеніе пѣнія стиховъ третьяго антифона на литургіи оглашенныхъ совершается торжественный обрядъ входа въ алтарь съ Евангеліемъ, называемаго малымъ въ отличіе отъ великаго входа съ Дарами во время херувимской пѣсни на литургіи вѣрныхъ.

Малый входъ совершается такъ: отверзаются царскія врата. Священникъ и діаконъ, ставши предъ святымъ престоломъ, творять три поклона. Потомъ священникъ, взявъ съ престола книгу Евангелія, вручаетъ ее діакону. Открывается шествіе. Впереди идетъ свѣщеносецъ со свѣтильникомъ. За нимъ слѣдуютъ діаконъ съ Евангеліемъ и священникъ. Они обходятъ престолъ съ правой стороны, выходятъ изъ алтаря сѣвѣрною дверью и ставъ противъ отверстыхъ царскихъ вратъ, преклоняютъ главы. Діаконъ говоритъ: *Господу помолимся*, и священникъ про себя читаетъ молитву входа. Въ ней онъ проситъ Господа, чтобы со входомъ ихъ Онъ сотворилъ входъ святыхъ ангеловъ, сослужащихъ имъ и славословящихъ благость Божию. По окончаніи молитвы, священникъ восклоняетъ главу, и діаконъ указуя ему правою рукою на востокъ, говоритъ тихо: *благослови, владыко, святой входъ*. Священникъ благословляетъ рукою на востокъ, произнося: *благословенъ входъ святыхъ Твоихъ всегда, ныне и присно и во вѣки вѣковъ*, — и цѣлуетъ Евангеліе, держимое предъ нимъ діаконѣмъ. Затѣмъ діаконъ становитъ

(а) Продолженіе труда о литургіи; см. сентяб. книжку.

ся впереди священника лицомъ къ востоку, и дождавшись окончанія третьяго антифона, возвышаетъ нѣсколько Евангеліе и, дѣлая имъ небольшой крестъ, возглашаетъ: *премудрость, прости*. Затѣмъ онъ вступаетъ въ алтарь и полагаетъ на престолѣ Евангеліе. За діаконъ, поклонившись, входитъ священникъ. Оба цѣлуютъ край святой трапезы. Между тѣмъ пѣвцы поютъ: «Прійдите поклонимся и припадемъ ко Христу спаси ны Сыне Божій поющія ти: аллилуія», — и къ сему присовокупляютъ пѣніе разныхъ тропарей и кондаковъ. Затѣмъ слѣдуетъ пѣніе Трисвятаго, соединяемое съ тайною молитвою священника въ алтарѣ, чтобы Господь, внемлющій трисвятой пѣсни отъ серафимовъ, принялъ ее и отъ людей.

Таковъ уставъ малаго входа. Теперь надлежитъ изъяснить значеніе его въ составѣ литургіи оглашенныхъ.

Надобно замѣтить, что уставъ малаго входа на литургіи сходенъ съ уставомъ входа на вечерняхъ, положеннаго въ воскресные и праздничные дни. На праздничной вечернѣ, какъ и на литургіи, передъ входомъ отверзаются царскія врата; потомъ діаконъ и священникъ, предшествуемые свѣтильникомъ, обогнувъ престолъ съ правой стороны, выходятъ изъ алтаря сѣвornoю дверью и внѣ алтаря останавливаются предъ царскими вратами. Далѣе слѣдуетъ тайная молитва входа, благословеніе его, возглашеніе: «премудрость, прости» — и вступленіе священнослужащихъ въ алтарь къ престолу, при пѣніи пѣвцами пѣсни Христу: *Свѣте тихій*, соответствующей стиху: *Прійдите поклонимся*. Разность въ томъ, что діаконъ на вечернемъ входѣ несетъ вмѣсто Евангелія кадила, но это не всегда: когда положено за вечернею чтеніе изъ Евангелія, тогда діаконъ идетъ съ Евангеліемъ. Разность еще въ томъ, что на вечернемъ входѣ не положено Трисвятое, зато словословіе святой Троицы: *поемъ Отца*,

Сына и Святаго Духа Бога — включено въ составъ вечерней пѣсни: *Свѣте тихій*. Есть притомъ древніе списки вечерни, въ которыхъ полагается Трисвятое и молитва Трисвятаго, читаемая тайно священникомъ, какъ и на литургіи ^(а). Итакъ вообще обрядъ входа на литургіи и вечернѣ представляетъ больше сходства, чѣмъ различія. При сходствѣ этого обряда въ литургіи и вечернѣ должно быть сходно и значеніе его въ той и другой службѣ. Оно объясняется значеніемъ алтаря и престола.

Алтарь есть священнѣйшая часть новозавѣтнаго храма, соотвѣтствующая тому отдѣленію въ ветхозавѣтной скинии и храмѣ, которое называлось *Святое Святыхъ*. Оно образовало самое небо, гдѣ обитаетъ Богъ во славу Своей, среди приближенныхъ къ Нему и всегда вѣрныхъ Ему слугъ, святыхъ ангеловъ (Евр. 8, 5; 9, 24). Тоже значеніе безъ сомнѣнія имѣетъ и христіанскій алтарь. Главную святыню алтаря составляетъ святая трапеза. Она соотвѣтствуетъ главнѣйшей святынѣ ветхозавѣтной скинии и храма, помѣщавшейся въ Святomъ Святыхъ, — ковчегу завѣта. Ковчегъ завѣта не только служилъ образомъ престола славы Божіей на небесахъ, но вмѣстѣ имѣлъ значеніе престола, на которомъ Богъ на землѣ благоволилъ являть Свое особенное присутствіе, какъ Царь избраннаго народа, и съ котораго Онъ принималъ поклоненіе и объявлялъ Свой повелѣнія чрезъ первосвященника или чрезъ другихъ избранниковъ. Херувимы, осѣнявшіе своими крылами ковчегъ, изображали собою присутствіе небесныхъ силъ, предстояніе ихъ престолу Царя небеснаго. Еще большую святость, чѣмъ ковчегъ завѣта, или лучше, крышка его, именуемая очистилищемъ, — имѣетъ святая трапеза въ алтаряхъ новозавѣтныхъ. На ней, какъ на престолѣ, присутству-

(а) См. въ Требникѣ Гоара разночтенія, приложенныя къ чину вечерни. Изд. 1730 г. стр. 36.

есть Царь нашъ Господь Іисусъ въ пречистомъ тѣлѣ и крови Своей, священнодѣйствуемыхъ на ней, и хранимыхъ на ней, присутствуетъ постоянно, непрерывно, тогда какъ надъ ковчегомъ завета Господь только по временамъ открывалъ Свое присутствіе. А гдѣ Христосъ Богочеловѣкъ, тамъ Богъ Отецъ и Богъ Духъ Святой, по нераздѣльному божеству. Посему святая трапеза въ нашихъ храмахъ есть престолъ всѣхъ Лицъ святаго Троицы, единосущныхъ и по одинаковости божескаго существа и власти сопредстольныхъ. Но преимущественно на семъ престолѣ открывается присутствіе Богочеловѣка, — оно открывается не только въ святыхъ тайнахъ тѣла и крови Его, а вмѣстѣ въ знаменіяхъ Его служенія человѣческому спасенію, — въ книгѣ Евангелія и Крестѣ, лежащихъ на св. трапезѣ. При такомъ значеніи алтаря и престола понятно, что знаменуетъ то, когда алтарь, большею частію закрытый отъ взоровъ народа, отверзается при обрядахъ входа, и святины его, престолъ Царя славы, дѣлается доступною зрѣнію всѣхъ предстоящихъ. Не ясно ли, что этимъ знаменательно выражается мысль о ближайшемъ нашемъ общеніи съ небеснымъ Царемъ, тайно присутствующимъ на престолѣ алтаря? Не есть ли это, такъ сказать, милостивое явленіе Царя всечеловѣческихъ предъ подданными Своими, новозавѣтными вѣрующими, подобное торжественнымъ выходамъ земныхъ царей къ подданнымъ ихъ, собравшимся во дворецъ? И изшествіе изъ алтаря священнослужащихъ къ народу по отверстіи алтаря, не есть ли это нѣчто подобное тому, когда предъ выходомъ земнаго царя ближайшіе къ нему слуги выходятъ изъ его внутреннихъ покоевъ, предваряя его появленіе къ народу, и становятся рядомъ съ народомъ для встрѣчи вмѣстѣ съ нимъ царя? А возвращеніе священнослужащихъ въ алтарь чрезъ царскія двери, не есть ли это особенное въ лицѣ ихъ приближеніе къ Царю небесному всего предстоящаго народа для

принесенія Ему въ самомъ священномъ мѣстѣ Его присутствія жертвы хвалы и благодаренія?— Не то было во времена ветхозавѣтныя. Ветхозавѣтное Святое Святыхъ съ его ковчегомъ завета никогда не открывалось для народа и доступно было только первосвященнику, одинъ разъ въ году входившему въ оное съ кровію очищенія. Эта сокровенность главнѣйшаго отдѣленія ветхозавѣтнаго святилища напоминала людямъ, что они недостойны ближайшаго общенія съ Царемъ своимъ, и чрезъ это напоминаніе смиряла предъ неприступнымъ Величествомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Богочеловѣкъ Своєю кровію примирилъ людей съ Богомъ и съ нашею человѣческою плотію вознесся на небеса, и такимъ образомъ въ Своемъ лицѣ ввелъ насъ въ ближайшее съ Нимъ общеніе, — съ тѣхъ поръ потеряли значеніе и виѣшніе знаки удаленія людей отъ Бога, т. - е. замкнутость Святаго Святыхъ. Замѣнившій оное новозавѣтный алтарь съ находящимся въ немъ престоломъ уже не можетъ теперь быть столь же неприступнымъ, какъ оно было неприступно. Правда и алтарь тоже недоступенъ для мірянъ; но онъ недоступенъ теперь только для ихъ входа, а отнюдь не для зрѣнія.

Итакъ обрядъ входа въ алтарь есть выраженіе ближайшаго общенія новозавѣтныхъ вѣрующихъ съ своимъ Господомъ, невидимо присутствующимъ на престолѣ алтаря. На вечернѣ этотъ обрядъ бываетъ не ежедневно, а только по праздникамъ, но на литургіи онъ повторяется ежедневно, потому что литургія сама по себѣ есть праздникъ, есть торжество нашего общенія съ Богомъ, и такое притомъ торжество, въ которомъ еще знаменательнѣе, чѣмъ въ праздничной вечернѣ выражается сіе общеніе, какъ это сейчасъ откроется изъ слѣдующихъ замѣчаній на отдѣльныя части, изъ которыхъ слагается обрядъ малаго входа на литургіи.

При совершеніи обряда малаго входа берется съ престола

книга Евангелія и выносится изъ алтаря для показанія народу. Книга эта имѣетъ такую же священную важность для новозавѣтныхъ вѣрующихъ, какую имѣли для ветхозавѣтныхъ скрижали десяти заповѣдей: и скрижали и Евангеліе свидѣтельствуютъ о законодательной власти Царя небеснаго, простиравшейся въ ветхомъ завѣтѣ собственно на одинъ избранный народъ, а въ новомъ завѣтѣ простирающейся на вѣрующихъ во Христа изъ всѣхъ народовъ. Посему какъ надъ крышкою ковчега съ скрижалями завѣта поставлены были херувимы, благоговѣнно склонявшіе къ ней лица свои, такъ на книгѣ на престольнаго Евангелія, покрывающаго собою часть престола, возлѣ ликовъ каждаго изъ четырехъ евангелистовъ изображаются лица херувимскія въ томъ видѣ, какъ о нихъ говорится въ откровеніи Іоанна Богослова, — въ видѣ четырехъ животныхъ: льва (царя звѣрей), тельца (царя домашнихъ животныхъ), орла (царя птицъ) и человѣка (царя надъ всѣми животными). Въ этомъ именно видѣ Тайнозритель видѣлъ ихъ вокругъ престола Агнца на небесахъ (Апок. 4, 6—8). Въ подобномъ также видѣ херувимы явились пророку Іезекиилю въ томъ видѣніи, которымъ онъ призванъ былъ къ пророческому служенію (гл. 1), — съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что въ Іезекиилевомъ видѣніи каждый изъ херувимовъ имѣлъ по четыре лица названныхъ животныхъ, и что они были не вокругъ престола Божія, какъ въ откровеніи Іоанна, а образовали сами собою престолъ Богу, подвижный наподобіе колесницы. Если такимъ образомъ херувимы въ обоихъ видѣніяхъ пророковъ новозавѣтнаго и ветхозавѣтнаго являются неизбѣжными, самыми близкими слугами Господа сѣдѣщаго на престолѣ, то теперь понятно и то, почему изображенія херувимовъ были сдѣланы надъ ковчегомъ завѣта, — этимъ престоломъ Божиимъ въ ветхозавѣтномъ святилищѣ, и дѣлаются на верхней доскѣ на престольнаго Евангелія, которое состав-

ляетъ необходимую принадлежность престола въ нашихъ храмахъ, и которое, если можно сказать, само есть движущійся, подобно видѣнному Іезекилемъ, престолъ Божій. Но скрижали закона никогда не показывались народу; если же напротивъ христіанскому народу показывается Евангеліе, лежащее на престолѣ, то что это означаетъ, какъ не то, что въ царствѣ благодати общеніе Царя сего царства съ вѣрующими гораздо ближе, гораздо тѣснѣе, чѣмъ общеніе Бога съ людьми въ ветхомъ заветѣ?

Тайная молитва священника предъ вступленіемъ въ алтарь чрезъ царскія двери (*молитва входа*) содержаніемъ своимъ приспособлена къ значенію этого обряда, какъ такого дѣйствія, чрезъ которое выражается приближеніе вѣрующихъ, въ лицѣ священнослужащихъ, къ Господу, подобное близости къ Нему непрестанно предстоящихъ Ему вѣрныхъ Его слугъ, святыхъ ангеловъ и архангеловъ. — Соотвѣтственно сему, священникъ молить Господа, «устровшаго на небѣхъ разряды и сонмы ангеловъ и архангеловъ для прославленія Своего, да содѣлаетъ Онъ, чтобы съ земными служителями Его вступили въ алтарь и ангелы, и приняли участіе въ ихъ служеніи и словесіяхъ Ему всеблаговому, какъ они служатъ и прославляютъ Его на небесахъ».

Предъ вступленіемъ въ алтарь діаконъ предлагаетъ священнику освятить сіе дѣйствіе благословеніемъ: *благослови владыко святой входъ*, — потому что мѣсто, въ которое надлежитъ вступить, *свято есть*, какъ мѣсто особеннаго присутствія Божія. И это освященіе нужно теперь не для однихъ священнослужащихъ, но вмѣстѣ для всего предстоящаго народа, если не ногами, то духомъ своимъ долженствующаго вмѣстѣ съ ними, въ лицѣ ихъ, вступить въ Святое Святыхъ. Священникъ преподаетъ освященіе крестообразнымъ осѣненіемъ благословляющей руки на востокъ, и сло-

вами: «Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ (*т.-е. входъ во святилище Твое*) всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»,— и потомъ благоговѣнно касается устами Евангелія, поднесеннаго ему діакономъ.

Слѣдующее за тѣмъ возгласеніе діакона: *премудрость, прости*—заключаетъ въ себѣ напояніе предстоящимъ, чтобы при ближайшихъ за симъ дѣйствіяхъ богослуженія вели себя, какъ свойственно мудрымъ (*премудрость!*), съ надлежащимъ разумѣніемъ важности ихъ,— и держали себя благоговѣнно (*прости*—стояпрямо), и тѣло охраняя отъ небрежнаго положенія, и душу отъ разсѣянности. Рядъ сихъ дѣйствій открывается приближеніемъ къ престолу священнослужащихъ при пѣніи: *прійдите поклонимся*, а заканчивается пѣніемъ Трисвятаго. Если когда, то преимущественно во время этихъ пѣснопѣній предстоящіе должны помнить, что они предстоятъ лицу Царя небеснаго, невидимо присутствующаго на престолѣ алтаря, и находятся въ обществѣ ангеловъ, вмѣстѣ съ ними славословящихъ Его.

Подданные земнаго царя, когда онъ предъ ними показывается, выражаютъ почтеніе къ нему низкими поклонами или, какъ на востокѣ, поверженіемъ ницъ предъ нимъ,—и восторженными восклицаніями. Подобно сему и мы должны выразить почтеніе къ Царю небесному, какъ сіе внушаетъ намъ церковь тою пѣнію, которую велѣтъ за возгласомъ діакона: *премудрость, прости*, поютъ на клиросѣ,— пѣнію: «Прійдите поклонимся и припадемъ ко Христу. Спаси ны, Сыне Божій, поющія ти, аллилуія» ⁽⁶⁾. Пусть каждый

(6) Начальныя слова этой пѣсни взяты изъ 7 стиха 94-го псалма: «прійдите поклонимся и припадемъ Ему, и восплачемся предъ Господомъ сотворшимъ насъ.» Изъ этого же псалма взяты стихи 3-го всенеднежнаго антифона. См. февральскую книжку Душен Чтенія, стр. 196.

при семъ, взирая на Евангеліе и углубляя взоръ внутрь алтаря къ престолу, если не тѣломъ, то душею смиренною и сокрушенною, повергается ^(в) предъ Царемъ Христомъ, невидимо возсѣдающимъ на престолѣ, взывая къ Нему, яко единому имущему власть спасти и погубить насъ, о спасеніи,—но вмѣстѣ пусть съ дерзновеніемъ вмѣстѣ съ ангелами поетъ Ему, какъ общему Царю ангеловъ и человѣковъ, ангельскую (Апок. 19, 6) пѣснь: *аллилуія* (хвалите Господа).

Къ словамъ: *спаси ны Сыне Божій*, присовокупляютъ дополнительные выраженія, приспособленные къ дню, или празднику,—именно во дни памяти святыхъ поется: «спаси ны Сыне Божій, во святыхъ дивенъ сый», во дни воскресные: «спаси ны, Сыне Божій, воскресый изъ мертвыхъ»; въ великіе праздники Господскіе: «спаси ны, Сыне Божій, рождейся отъ Дѣвы» (на Рождество Христово), — «во Іорданѣ крестивыйся» (на Богоявленіе), — «вознесыйся во славу» (на Вознесеніе), и т. д. — За пѣніемъ: *прійдите поклонимся*—слѣдуетъ пѣніе разныхъ такъ называемыхъ тропарей и кондаковъ ^(г)— краткихъ пѣснопѣній³ храмовыхъ, праздничныхъ,

(в) По свидѣтельству Николая Вулгариса, благочестивые предки наши дѣйствительно при пѣніи этого стиха, всѣ отъ царя до послѣдняго нищаго, повергались на землю. Дмитревскаго Изъясненіе на литургію. Ч. II, § 47.

(г) *Тропарь*—это названіе общее для каждаго въ отдѣльности церковнаго пѣснопѣнія. И дѣйствительно это названіе усвоится, въ богослужебныхъ книгахъ, напрям. стихамъ канона, стихирамъ: *Ангельскій соборъ удивися*, поемымъ по непорочныхъ въ воскресные дни, сѣдальны. См. въ «Обозрѣніи богослуж. книгъ свящ. Никольскаго» стр. 32. 208. Но въ тѣснѣйшемъ смыслѣ тропарями называются тропари такъ называемые отпустительные, поемые предъ отпustomъ вечерни, и на *Богъ Господи* и *явися намъ* въ утрени. Слово тропарь *Тропаріον*, *modulatio*, происходитъ отъ *Трѣπος*—modus, мѣра, и означаетъ стихъ мѣрно, сладкозвучно исполняемый въ пѣніи. —Кондакъ по содержанію не отличаетъ

дневныхъ, въ честь Господа Іисуса, пресвятой Богородицы и святыхъ. Всѣ эти пѣснопѣнія имѣютъ внутреннюю связь съ пѣснію Христа: *приидите поклонимся*. Святая церковь научаетъ насъ этими пѣснопѣніями поклоняться Христу не только лично, но и въ лицѣ святыхъ, начиная съ Богоматери, какъ Дивному во святыхъ *Приидите поклонимся и припадемъ ко Христу*, явившему свою силу и славу въ воскресеніи изъ мертвыхъ, въ вознесеніи, въ низпосланіи Святаго Духа, и потому воззовемъ Ему: «Камени запечатану отъ Іудей, и воиномъ стрегущимъ пречистое тѣло Твое, воскресъ еси трдневень спасе» и д., или: «Вознеслся еси во славу Христе Боже нашъ» и д., или: «Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудры ловцыявлей, низпославъ имъ Духа Святаго.» и д. Но и при пѣніи пѣснопѣній въ честь святыхъ, велѣдъ за *приидите поклонимся и припадемъ ко Христу*, также опять воздается честь Христу же, прославившему себя въ лицѣ святыхъ, совершавшихъ свои подвиги во славу Его, силою Его.

Когда отверзаются царскія врата алтаря, когда открывается очамъ всѣхъ предстоящихъ престоль и отъ лица ихъ совершается торжественный входъ въ алтарь священнослужащихъ, — тогда сими знаменательными дѣйствіями выражается

ся отъ тропаря. Маркъ ефесскій въ своемъ извѣстіи о кондакахъ пишетъ: творецъ кондаковъ — чудный Романъ; онъ получилъ даръ сей отъ Богородицы, явившейся ему во снѣ и подавшей свитокъ (Γόμος) съ повелѣніемъ сѣсть; исполняя это, онъ тотчасъ всталъ, — это было въ день Рождества, — взошелъ на амвонъ и началъ пѣть: *Два дня*. Послѣ того онъ составлялъ и другіе кондаки. Отъ того свитка (Γόμος) пѣсни его и называются кондаками». Дюканжъ и Монфоконъ доказали древними рукописями, что словами *Контакіа*, или *Кондакиа* дѣйствительно назывались свертки исписаннаго папируса; въ частности же этимъ словомъ называли свертки съ церковными пѣснями, или службами». Истор. обзоръ пѣснопѣвцевъ, архіеп. Филарета Черниг. стр. 151. 152.

близкое общеніе наше не съ однимъ Богочеловѣкомъ, но вмѣстѣ съ Богомъ Отцемъ и Богомъ Духомъ Святымъ, потому что престолъ есть мѣсто царственнаго присутствія не одного Сына Божія, но всѣхъ Лицъ Пресвятыя Троицы. Посему отъ лица всего предстоящаго народа, зрящаго прямо къ престолу своего Царя и Бога, не одному Христу воздается поклоненіе (*прїидите поклонимся*) и несется хвалебная пѣснь (*аллилуїя*), но къ сему присовокупляется пѣснословіе ко всѣмъ Лицамъ Святыя Троицы, яко сопрестольнымъ и единочестнымъ, — именно поется Трисвятая пѣснь: «Святыи Боже (*Отче*), Святыи крѣпкій (*Сыне*), Святыи безсмертный (*Душе*), помилуй насъ» ^(а). И какъ пѣніе стиха: *прїидите по-*

(а) Наименованіе сей пѣсни Трисвятою произошло отъ троекратнаго повторенія въ ней слова *Святыи*. Святыи значитъ здѣсь свято, или благоговѣнно чтимый. Въ семъ смыслѣ Богъ называется Святымъ во многихъ мѣстахъ св. Писанія, напримѣръ: «Воспою Тебѣ въ гуслехъ, Святыи Израилевъ» (Псал. 70. 22). Въ томъ же смыслѣ называются святыми и другія существа; но въ Богѣ достоинство святочтимости не допускаетъ никакого сравненія ни съ чѣмъ, что только именуется, кромѣ Его, святымъ, священнымъ. По своему существу, вѣчному и неизмѣняемому, по своимъ безпредѣльнымъ совершенствамъ, Онъ превознесенъ надъ всѣмъ существующимъ, такъ что всякая другая святость, или святѣина какъ бы исчезаетъ предъ Его неизреченною святочтимостію, и потому Писаніе именуетъ Его не только святымъ, но и *Единымъ Святымъ* (1 Цар. 2, 5), какъ единую самобытную Святость. — Въ Трисвятой пѣсни каждому изъ Лицъ святыя Троицы усваивается имя *Святаго*, чтобы видно было, что всѣ три Лица равночестны, и нѣтъ между ними ни большаго, ни меньшаго по Божеству и власти. — Когда же мы взываемъ къ Нимъ въ Трисвятой пѣсни *помилуй насъ*, а не *помилуйте насъ*, то чрезъ сіе исповѣдуемъ въ Трехъ единаго Бога. — Что молитва Трисвятаго дѣйствительно относится ко Святой Троицѣ, это можно видѣть между прочимъ изъ того, что св. церковь въ праздникъ Пятидесятницы именно словами сей молитвы научаетъ насъ воспѣвать Отца, Сына и Святаго Духа: «Святыи Боже, вся содѣлавый Сыномъ, содѣйствомъ Святаго Духа; Святыи крѣпкій, имже Отца познахомъ, и

клонимся и припадемъ ко Христу, спаси ны, Сыне Божій, поющія ти: *аллилуія*, вводитъ насъ въ общеніе не только съ Христомъ—царемъ нашимъ, но и съ благоговѣющими предъ Нимъ ангелами, ибо *аллилуія* есть ангельская пѣснь: такъ и въ пѣніи Трисвятой пѣсни мы соединяемся также съ ангелами, ибо эта пѣснь принята отъ ангеловъ, какъ о семъ свидѣтельствуется благочестивое преданіе ^(е). И изъ Писанія

Духъ Святый прииде въ міръ; Святый Безсмертный, Утѣшительный Душе, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ почиваяй: Троице святая, слава Тебѣ». Въ 5-мъ столѣтіи послѣдователи Евтихіева лжеученія, не обращая вниманія на то, что молитва Трисвятаго относима была ко всѣмъ тремъ лицамъ Божества, дерзнули дать ей такой видъ, чтобъ она относилась къ одному лицу Иисуса Христа. Къ словамъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный», они прибавили: *распятый за насъ*, для распространенія еретическаго мудрованія, будтобы Христосъ на крестѣ страдалъ Божествомъ, а не человѣчествомъ, которое въ лицѣ Его якобы поглощено было Божескою природою,—мудрованіе, которое никакъ нельзя примирить съ безстрастностію Божескаго естества и съ непреложнымъ соединеніемъ съ нимъ человѣческаго естества. Но такое прибавленіе, искажавшее смыслъ молитвы Трисвятаго, тогда же было осуждено пастырями православной Церкви, и сіе осужденіе, съ преданіемъ анаѳемѣ приемлющихъ это прибавленіе (армянъ), подтверждено на Трульскомъ вселенскомъ соборѣ въ 681 году (правило 81).—Въ молитвѣ Трисвятаго первое лице Св. Троицы названо Богомъ,—названіе общее всѣмъ тремъ Лицамъ, но въ приложеніи къ одному Богу Отцу оно указываетъ на то, что Онъ есть источникъ начало Божества, ибо отъ Него раждается Сынъ, и исходитъ Духъ Святый. Второе Лице наименовано *Крѣпкимъ*,—имя также общее для всѣхъ Лицъ, но въ приложеніи къ Сыну оно напоминаетъ намъ, что Онъ есть Божія сила (1. Кор. 1, 24), которою все сотворено и все сотворенное держится. Третье Лице названо *Безсмертнымъ* въ томъ смыслѣ, что Духъ Святый, какъ источникъ жизни и безсмертія, есть виновникъ естественной и благодатной жизни въ тваряхъ.

(е) По свидѣтельству преданія, въ началѣ 5-го вѣка, при патріархѣ константинопольскомъ Проклѣ, когда по случаю безвед-

извѣстно, что Трисвятая пѣснь есть ангельская. Ею непрерывно славословятъ Бога херувимы, окружающіе престолъ Его. Они, по слову новозавѣтнаго Тайнозрителя, ни днемъ, ни ночью не имѣютъ покоя, взывая: «Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ Вседержитель» (Апок. 4, 8). Тоже славословіе возглашаютъ Ему серафимы, какъ сіе мы знаемъ изъ того видѣнія, которымъ Исаія призванъ къ пророческому служенію. Онъ удостоился видѣть Господа, сѣдящаго въ храмѣ или надъ храмомъ, на величественномъ престолѣ. Предъ престоломъ были серафимы, изъ которыхъ каждый имѣлъ по шести крылъ: двумя они закрывали лица свои, двумя прикрывали ноги, и двумя летали. И взывали другъ къ другу (т. е. попеременно, на два лика): «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѡ! Вся земля полна славы Его». Стѣны зданія потрясались отъ ихъ восклицанія, и по всему храму разносилось куреніе (Ис. гл. 6). — Не подобное ли сему зрѣлище представляетъ алтарь христіанскій, или лучше весь христіанскій храмъ во время пѣнія Трисвятаго? Всѣ предстоящіе въ храмѣ не находятся ли въ сіе время въ положеніи Исаіи, не видятъ ли, подобно ему, престолъ Господа Саваоѡа? И пѣніе Трисвятаго на двухъ клиросахъ, близъ отверстыхъ вратъ алтаря, не есть ли воспроизведеніе двухорнаго серафимскаго пѣнія, слышаннаго Исаіею? И самые серафимы не окружаютъ ли

рія и продолжительнаго землетрясенія, на открытомъ мѣстѣ было общее молебствіе объ отвращеніи бѣдствія, одинъ отрокъ невидимою силою былъ поднятъ на воздухъ, и спустившись невредимъ, объявилъ, что онъ слышалъ ангеловъ поющихъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный». Вѣрующіе тотчасъ же всѣмъ соборомъ воспѣли ангельскую пѣснь, съ приравленіемъ словъ: *помилуй насъ*. Бѣдствіе прекратилось и съ того времени молитва Трисвятаго вошла въ составъ литургіи. Большія подробности о Трисвятомъ см. въ нашей особой статьѣ о немъ. Душ. Чтен. 1862 г. ч. 3 стр. 294.

въ это время престолъ въ алтарѣ, какъ они окружаютъ на небесахъ престолъ Бога Вседержителя, и не вторятъ ли нашему пѣнію, или лучше не предшествуютъ ли намъ своимъ примѣромъ въ пѣніи Трисвятаго? Не даромъ же, конечно, церковь научила священника, вступающаго въ алтарь, молить Бога, да введетъ Онъ въ алтарь и святыхъ ангеловъ, которые бы вмѣстѣ съ нимъ славословили Его, и служили Ему.

Но участвовать въ пѣніи Трисвятаго въ обществѣ чистыхъ и безгрѣшныхъ ангеловъ не можетъ безъ нѣкотораго смущенія человѣкъ, тревожимый сознаніемъ своихъ грѣховъ. Подобное смущеніе испыталъ Исаія, когда вдругъ предсталъ престолу Бога Вседержителя, окруженнаго серафимами, поющими Ему Трисвятое. Онъ желалъ бы и самъ принять участіе въ ихъ пѣніи, но не дерзнулъ на это, помысливъ, что его нечистыя уста недостойны воспѣвать хвалу Богу вмѣстѣ съ безгрѣшными пѣвцами. Онъ могъ только проговорить: «Жалкій я человѣкъ, стою на краю гибели. Уста мои нечисты и живу среди людей съ нечистыми устами». — Подобное сознаніе душевной нечистоты должно быть присуще каждому изъ насъ при пѣніи Трисвятаго, а потому оно поется или читается во всѣхъ церковныхъ службахъ, за исключеніемъ литургіи вѣрныхъ (послѣ *Вѣрую*), — не въ томъ составѣ, какъ пѣли его серафимы по видѣнію Исаіи. Серафимы только прославляли *святость* Божію, а мы грѣшные научены къ прославленію сей неизрѣченной святости (*Святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безсмертный*) присовокуплять смиренное моленіе *о помилованіи* насъ, ибо вмѣстѣ съ Исаіею должны исповѣдать предъ Богомъ: жалкія мы по грѣхамъ существа! Уста наши слишкомъ нечисты, чтобы можно было славословить Тебя, Господи, съ чистѣйшими серафимами. — Но Исаія, исповѣдавшій себя жалкимъ и достойнымъ гибели за

грѣхи свои, ободренъ былъ Господомъ Саваоомъ. Господь повелѣлъ одному изъ серафимовъ очистить Исаію прикосновеніемъ къ его устамъ горящаго угля, чтобы онъ могъ славословить Его очищенными устами. — И каждый изъ насъ имѣетъ нужду въ очищеніи благодатію для того, чтобы мы достойно и съ дерзновеніемъ могли воспѣвать Богу Трисвятую пѣснь. Вотъ почему священникъ по вступленіи въ алтарь, передъ тѣмъ какъ слѣдуетъ пѣть Трисвятое, отъ лица всѣхъ въ тайной молитвѣ проситъ Бога, — «Трисвятою пѣснію отъ серафимовъ воспѣваемого и отъ херувимовъ славословимаго и отъ всей небесной силы поклоняемаго, и сподобившаго насъ стать предъ славою святаго Его жертвенника и должное поклоненіе и славословіе Ему принести, — проситъ Его о томъ, чтобы Онъ не только принялъ и отъ устъ насъ грѣшныхъ Трисвятую пѣснь, но вмѣстѣ простилъ намъ всякое согрѣшеніе, и освятилъ (*какъ очистилъ Исаію*) наши души и тѣlesa.»

Предъ окончаніемъ этой тайной молитвы, діаконъ напоминаетъ священнику о наступленіи времени для пѣнія Трисвятаго и проситъ у него благословенія на сіе: «Благослови владыко, время Трисвятаго». Священникъ, преподавъ требуемое благословеніе, произноситъ вслухъ заключительныя слова молитвы, которую доселѣ читалъ про себя: «Яко святъ еси Боже нашъ, и тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно....» Окончаніе возгласа: *и во вѣки вѣковъ*, священникъ предоставляет договорить діакону. Для сего діаконъ выходитъ изъ алтаря царскими вратами, но прежде чѣмъ скажетъ эти слова, онъ напередъ остановится предъ мѣстною иконою Спасителя и произнесетъ: *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны*; и когда эту же краткую молитву пропоютъ на клиросѣ, тогда уже онъ, обратившись къ народу, громогласно скажетъ: *и во вѣки вѣковъ*, давая

симъ возгласомъ и поднятіемъ ораря знакъ къ пѣнію Трисвятаго. Это пѣніе, послѣ столькихъ приготовленій, тотчасъ же и начинается.—Слова: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны» разрываютъ связь священническаго возгласа и въ большей части списковъ литургіи Златоустовой, греческихъ и славянскихъ, не имѣются ^(ж); тѣмъ не менѣе ихъ нельзя считать излишними: они служатъ окончательнымъ приготовленіемъ вѣрующихъ къ начатію столь важной пѣсни, какъ Трисвятое, и представляютъ краткое изложеніе предшествующей тайной молитвы священника. Какъ священникъ въ сей молитвѣ проситъ Господа благоволительно призрѣть на насъ грѣшныхъ, дерзающихъ славословить Его Трисвятою пѣснію, и принять изъ нашихъ устъ сію пѣнь: такъ и діаконъ и вслѣдъ за нимъ все предстоящіе смиренно умоляютъ Господа, *да спасетъ благочестивыхъ*, т. е. да не осудитъ, да не отринетъ, да не погубитъ православныхъ (*благочестивые* значить православные), дерзающихъ предъ престоломъ Его пѣть Ему Трисвятую пѣнь, и да *услышитъ* отъ нихъ пѣніе ея съ такимъ же благоволеніемъ, какъ благоволительно внемлетъ Онъ тому же пѣнію отъ устъ серафимовъ и херувимовъ.—Когда же священникъ служитъ одинъ безъ діакона, тогда возгласъ: *яко святъ еси Боже нашъ* произносится безъ перерыва и безъ вставки словъ: *Господи, спаси благочестивыя*.

По знаку діакона, данному ораремъ, раздается дружное пѣніе: «Святый Боже...» до трехъ разъ, потомъ слѣдуетъ *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь: Святый безсмертный помилуй насъ*,—и наконецъ еще разъ повторяется въ полномъ

(ж) У Гоара въ Евхологіи, въ разночтеніяхъ, приложенныхъ къ чину Златоустовой литургіи, указанъ одинъ Венеціанскій списокъ съ словами: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны». Изд. 1730 г. р. 73.

видѣ—*Святый Бже...* Если когда, то преимущественно въ сіи минуты присутствующіе въ церкви должны слѣдить за пѣніемъ ликовъ, воспѣвая въ сердцахъ своихъ предъ Господомъ то, что возглашается устами поющихъ. Всѣ присутствующіе должны помнить, что поющіе поютъ не отъ себя только, но отъ лица всѣхъ ихъ. Только при такомъ единодушномъ участіи въ славословіи Тріипостасному Божеству можетъ быть оно угодно Ему, какъ угодно славословіе Серафимовъ.—Въ заключеніе пѣнія ликовъ *малолютъ Трисвятое священникъ и діаконъ* въ алтарѣ. Это какъ бы отголосокъ громогласнаго пѣнія ликовъ. Тихо замолкаетъ онъ и такимъ образомъ заканчивается весь обрядъ, служащій торжественнымъ выраженіемъ нашего общенія съ Господомъ.

Въ дополненіе къ сказанному о маломъ входѣ укажемъ на особенности этого обряда въ нѣкоторые праздники.

1) Въ нѣкоторые великіе праздники, передъ мгновеніемъ вступленія въ алтарь, діаконъ къ словамъ: *премудрость, прости*—присовокупляетъ такъ называемый входный стихъ. Онъ положенъ на литургіи въ тѣ праздники, въ которые поются особенные антифоны, именно въ праздники Рождества Христова, Богоявленія, Ваій, Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, Преображенія и Воздвиженія,—и заимствуется обыкновенно изъ тѣхъ псалмовъ, изъ которыхъ выбраны стихи для сихъ антифоновъ. Заимствование, какъ и выборъ стиховъ антифона, большею частію приспособлено къ свойству праздника. Кромѣ того входный стихъ полагается на праздникъ Срѣтенія, а у Грековъ и Благовѣщенія, хотя для сихъ праздниковъ нѣтъ особыхъ антифоновъ.

а) На праздникъ Рождества Христова входный стихъ взятъ изъ 109 псалма (ст. 3 и 4), изъ котораго заимствованы стихи 3-го антифона на сей праздникъ: *Изъ чрева прежде*

денницы родихъ *Тя. Клятся Господь и не раскается: ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову.* Рѣчь идетъ о предвѣчномъ рожденіи Сына отъ Отца и о вѣчномъ Его священствѣ. Самъ Богъ Отецъ здѣсь является свидѣтельствующимъ о Сынѣ въ томъ и другомъ отношеніи. Рожденіе Сына отъ *существа Своего*, Богъ Отецъ представляетъ подь образомъ рожденія изъ чрева, и чрезъ то указываетъ на Его единосущіе съ Собою; рожденіе Его *предвѣчное* представляетъ подь образомъ рожденія прежде *денницы* (утренней звѣзды). Это значить, что Сынъ Божій существовалъ искони, прежде чѣмъ сотворено было видимое небо, украшенное звѣздами, ярче которыхъ блещетъ утренняя звѣзда. Подобное о вѣчномъ бытіи Сына сказано въ другомъ псалмѣ: *прежде солнца пребываетъ имя Его* (Пс. 71, 17).—Рожденный прежде вѣкъ Сынъ Божій, отъ вѣчности же предопредѣленъ Богомъ Отцемъ на подвигъ искупленія человѣческаго рода, и сіе предопредѣленіе, какъ неизмѣнное, утверждено клятвою Бога Отца,—т.-е. Богъ Отецъ сказалъ въ предвѣчномъ совѣтѣ: какъ неизмѣнно Мое Божество, такъ неизмѣнна Моя воля быть Единородному Сыну Моему Искупителемъ грѣшныхъ людей.—Какъ Искупителя, Богъ Отецъ именуетъ Сына Своего іереємъ, потому что искупленію надлежало совершиться посредствомъ жертвы, которую Онъ имѣлъ принести на крестѣ. Искупленіе посредствомъ сей жертвы совершено однажды, но Принесшій ее есть *вѣчный* Іерей, потому что сила Его жертвы простирается на вѣ времена.—Онъ *іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову*, т.-е. по подобію Мелхиседека (Евр. 7, 3. 15), который, по словамъ Ап. Павла въ посланіи къ Евреямъ, прообразовалъ собою вѣчное, непреходящее, въ противоположность Левитскому, священство Христово тѣмъ самымъ, что въ повѣствованіи Моисея онъ представляется безъ родословія, не видно ни начала его дней, ни конца жизни. Эти

обстоятельства опущены въ исторіи Мелхиседека не случайно и просто, а съ намѣреніемъ указать въ немъ образъ вѣчно пребывающаго священства Христова (Евр. 7, 3). Апостолъ указываетъ и на многія другія черты сходства Мелхиседека съ Христомъ (въ 7-й главѣ Евр.)

б) На Богоявленіе и на праздникъ Ваіи входный стихъ одинъ, — взять изъ 117 псалма (ст. 26. 27), изъ котораго взяты стихи 3-го антифона на сіи праздники: *Благословенъ грядый во имя Господне, благословихомъ вы изъ дому Господня, Богъ Господь и явился намъ.* Въ псалмѣ, содержащемъ сей стихъ, воспѣвается торжество надъ врагами неизвѣстнаго Вождя, служащаго образомъ Христа. Словами стиха: «благословенъ грядый во имя Господне», народъ привѣтствуетъ сего Вождя, возвращающагося съ поля брани и грядущаго въ храмъ во имя Господне, чтобы воздать Господу славу за побѣду. Народъ выражаетъ желаніе, чтобы *благословеніе* Божіе всегда пребывало надъ Вождемъ. — *Благословихомъ вы изъ дому Господня.* Привѣтствуя и встрѣчая благословеніями Вождя, народъ благословляетъ и сподвижниковъ его, раздѣлявшихъ съ нимъ его военные труды и теперь сопровождающихъ его въ храмъ для участія съ нимъ въ благодареніи Господу. Народъ привѣтствуетъ ихъ съ такою же радостію, съ какою семья встрѣчаетъ кого-либо изъ членовъ своихъ, возвратившагося послѣ продолжительной отлучки. Мы, говоритъ народъ тѣмъ, кому дѣлается встрѣчу, принадлежимъ вмѣстѣ съ вами къ одной семьѣ, къ одному *дому Господню*, и потому благословляемъ васъ, какъ родныхъ. — *Богъ Господь и явился намъ.* Господь, Которому мы служимъ — говорятъ встрѣчающіе Вождя и его сподвижниковъ, — есть единый истинный Богъ, и Онъ-то явился намъ теперь въ силѣ Своей, побѣдоносной надъ врагами нашими.

Со всѣми этими привѣтственными восклицаніями, цер-

ковъ научаеъ насъ обращаться ко Христу Спасителю, грядущему на Іорданъ при началѣ Своего общественнаго служенія, и въ Іерусалимъ въ концѣ сего служенія. Въ томъ и другомъ случаѣ шествіе Его страшно для враговъ нашего спасенія и мы псаломскими привѣтствіями выражаемъ радость о нашемъ спасеніи и Спасителѣ.

в) На праздникъ Пасхи входный стихъ взятъ изъ 67 псалма (ст. 27), изъ котораго взяты стихи для 3-го антифона на сей праздникъ: *Въ церквахъ благословите Бога Господа отъ источниковъ Израилевыхъ*. Сими словами Псалмопѣвецъ приглашаетъ къ прославленію Господа, въ торжественныхъ церковныхъ собраніяхъ, всѣхъ Израильтянъ, которые произошли отъ 12 сыновей Израиля, словно ручьи изъ источниковъ. Тѣми же словами св. церковь призываетъ къ прославленію Господа христіанъ, имѣющихъ, въ лицѣ 12 апостоловъ Христовыхъ, своихъ духовныхъ родоначальниковъ.

г) На Вознесеніе Господне входный стихъ — одинъ изъ стиховъ 1-го антифона на сей праздникъ: *Взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласъ трубъ*. (См. наше изъясненіе сего антифона въ сентябрской книжкѣ).

д) На праздникъ Пятидесятницы входный стихъ взятъ изъ 20-го псалма (ст. 14), изъ стиховъ котораго составленъ 3-й антифонъ на сей праздникъ: *Вознесися Господи силою Твоею, воспоетъ и поетъ силы Твоя*. Т.-е. покажи, Господи, Твою побѣдоносную силу надъ врагами нашего спасенія, смири ихъ подъ Твою высокую руку: тогда мы торжественно будемъ воспѣвать Твое могущество.

е) На Преображеніе входный стихъ: *Господи, послѣ свѣтъ Твой и истину Твою, та мя настависта и введоста въ гору святую Твою*, — взятъ изъ 42-го псалма (ст. 4), въ которомъ благочестивый Израильтянинъ жалуется на враговъ своихъ, заставившихъ его удалиться изъ оте-

чества, и просить Господа дать ему возможность возвратиться въ отечество и за сіе возблагодарить Его жертвою во святилищѣ на святой Сіонской горѣ. *Господи*, говоритъ между прочимъ Израильтянинъ, *посли свѣтъ Твой и истину Твою*, т. е. дай мнѣ на себѣ испытать Твое благоволеніе, обрати ко мнѣ свѣтлое, благосклонное лице Твое; дай мнѣ надъ собою испытать *истину Твою*, т. е. вѣрность Твою въ исполненіи твоихъ обѣтованій вѣрнымъ Тебѣ рабамъ Твоимъ. *Тамъ постависта и введоста въ гору святую Твою*. Твоимъ благоволеніемъ и истиною устрой мнѣ обратный путь въ отечество, дай мнѣ снова узрѣть святую гору Твою и здѣсь, во святилищѣ Твоемъ, отъ глубины благодарной души исповѣдать милость Твою и истину Твою.

Не безъ соотвѣтствія съ празднуемымъ событіемъ эти слова Псаломпѣвца избраны для входнаго стиха на праздникъ Преображенія. Слава преображенія Христова есть образъ славы, ожидающей вѣрныхъ рабовъ Божіихъ въ вѣчности. Гора преображенія есть образъ горнихъ обителей въ дому Отца небеснаго, уготованныхъ любящимъ Его. Живя на землѣ, мы находимся вдали отъ сихъ горнихъ обителей, какъ бы въ изгнаніи, подобномъ тому, на которое жалуется въ псалмѣ Израильтянинъ. И вотъ св. церковь псаломскими словами этого Израильтянина хочетъ пробудить въ насъ желаніе и надежду водворенія въ небесныхъ обителяхъ и научать насъ, подобно ему, взывать: «Господи! яви намъ милость и истину Твою, чтобы при помощи ихъ, какъ вѣрныхъ путеводителей, мы могли достигнуть святой горы Твоей, горняго Іерусалима и здѣсь, въ обществѣ святыхъ ангеловъ и человѣковъ, немолчно воспѣвать Твою благость».

ж) На Воздвиженіе входный стихъ взятъ изъ 98 псалма (ст. 5), изъ стиховъ котораго составленъ 3-й антифонъ въ сей праздникъ: *Возносите Господа Бога нашего, и по-*

кланяйтесь подножію ногу Его, яко свято есть. Подножіемъ Господа въ ветхомъ завітѣ назывался ковчегъ завета, надъ крышкою котораго (очистилицемъ) Господь являлъ Свое царственное присутствіе. Давидъ сказалъ: «я имѣлъ намѣреніе построить покойный домъ для ковчега завета Іеговы, и для подножія ногъ Бога нашего» (1 Парал. 28, 2). Въ новозавѣтный праздникъ Воздвиженія Креста Господня, св. церковь псаломскими словами входнаго стиха приглашаетъ насъ превозносить хвалами распятаго за насъ Христа Бога нашего и поклоняться Ему на Голгоѣѣ, которая была мѣстомъ Его распятія и такимъ образомъ сдѣлалась подножіемъ ногъ Его, пригвожденныхъ ко кресту.

2. Къ особенностямъ обряда малаго входа должно отнести также замѣну въ нѣкоторые дни Трисвятой пѣсни другими стихами. Такъ въ праздникъ Воздвиженія и въ недѣлю Крестопоклонную, вмѣсто *Святый Боже* поется: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко» и проч. Въ Рождество Христово, въ Богоявленіе, въ Лазареву и Страстную Субботы, во всѣ дни Пасхальной седмицы, въ Пятидесятницу, вмѣсто Трисвятаго поется: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь (Гал. 3. 27). Аллилуія». Эта послѣдняя замѣна допущена въ память обычая древней церкви совершать таинство крещенія надъ новообращенными преимущественно въ сіи дни. Слова апостола: *Елицы во Христа крестистесь...* — имѣютъ такой смыслъ: тѣ, которые приемиютъ крещеніе христіанское, установленное Самимъ Христомъ, — слагаютъ въ водахъ крещенія ветхаго челоуѣка, какъ никуда негодную одежду, и дѣлаются новыми людьми, преобразуясь въ образъ Христа праведника, становясь подобными Ему.

Свящ. В. Нечаевъ.